

³⁷ Речь идет об особых кожаных «марках» – колониальных деньгах РАК, которые изготавливались обычно из дубленой тюленьей кожи (лафтаков).

³⁸ Макаров С.О. Документы. Том I. С. 20–24; архивный источник: РГАВМФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 262. Л. 91–96, 100–104.

³⁹ О-в Симушир, как и вся гряда Курильских о-вов до о-ва Уруп включительно, находилась также под управлением Российско-американской компании, которая имела здесь несколько мелких поселений и артелей зверобоев, состоявших из алеутов и кадьякских эскимосов, доставленных сюда с Аляски.

⁴⁰ Марс – площадка на верхней оконечности мачты для наблюдения.

⁴¹ Лемашевский Павел Густавович (р. 1833) – гражданский шкипер, поступивший на службу РАК в 1857 г.

⁴² Трисель – косой четырехугольный парус, который крепился с задней части мачты.

⁴³ Кабельтов – мера длины, служащая для измерения в море сравнительно небольших расстояний: 1 кабельтов равен: 87 сажень; 608 футов; 185,2 м или 0,1 морской мили.

⁴⁴ Секстант – угломерный инструмент, применяемый для определения угловых высот небесных светил. Высоты на море определяются по отношению к видимому горизонту.

⁴⁵ 3753 футов составляет 1125 м; настоящая высота вулкана Горящая сопка – 873 м, который образует вместе с потухшим вулканом Мильна (1539 м) единый горный массив. Возможно, С.О. Макаров вычислил среднюю высоту этого горного массива.

⁴⁶ Вероятно, С.О. Макаров планировал написать книгу на основе своего дневника.

⁴⁷ Гранберг (Грамберг) Карл Юхан (по другим данным – Юхан Август) (Granberg Karl Johan) – финский штурман, был нанят РАК и прибыл в Русскую Америку в 1852 г. С 1863 г. Гранберг служил управляющим о-вом Симушир и всей Курильской гряды. В 1865 г. колониальное начальство уважило его просьбу и выслало к нему в помощники писаря креола Григория Ивановича Кичина.

⁴⁸ Здесь речь идет не о небольших одно-трехлючных байдарках, а о больших байдарках (умиаках), чей деревянный остов обшивался дублеными шкурами моржей.

⁴⁹ Рифы служат для оперативного уменьшения площади паруса при посвежевшем ветре. Они представляют собой длинные горизонтальные полосы плотной парусины (риф-банты), пришитые прямо к мякоти паруса. Обвязывая рифы вокруг рангоута, моряки уменьшают площадь паруса – «берут рифы». Это нелегкая работа.

⁵⁰ Собеседник Макарова имел в виду носовой кубрик (каюту) для матросов парусного судна.

⁵¹ Такелаж – совокупность судовых снастей, предназначенных для поддержания рангоута, подъема сигналов, спуска шлюпок, грузоподъемных работ.

⁵² Унтер-стаксель – нижний треугольный парус, который ставится между мачтами.

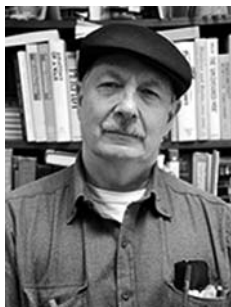
⁵³ Сопка Прево – действующий вулкан на о-ве Симушир (1360 м).

⁵⁴ Бак – носовая надстройка корабля.

⁵⁵ Барк – парусное судно, с прямыми парусами на всех мачтах, кроме кормовой, несущей косые паруса. Число мачт от трех до пяти.

⁵⁶ Шелихов Николай Павлович (р. 1836) – почетный гражданин и коллежский секретарь, служил со второй половины 1850-х гг. при Главном правлении РАК в Петербурге; в 1863 г. он был переведен в Аянскую контору РАК в качестве бухгалтера.

⁵⁷ Филиппеус Александр Фёдорович фон (Philippheus Alexander Eugen von) (1828–1889) – уроженец Варшавы немецкого происхождения, надворный советник, крупный камчатский предприниматель. После продажи Аляски США в 1867 г. скупил имущество РАК в Аяне и на Курильских о-вах в 1868 г., где помогал (хотя и не совсем бескорыстно) находившимся там после ухода РАК кадьякским эскимосам, алеутам и айнам.

ГРОВЕР ФЕРР

доктор философии, профессор Монклерского университета (Нью-Джерси, США)
Тел.: (812) 534-28-28; E-mail: nestorklio@mail.ru

ВЛАДИМИР ЛЬВОВИЧ БОБРОВ

журналист, переводчик (Москва)
Тел.: (812) 534-28-28; E-mail: vladimir_2000@mail.ru

Впервые в полном объеме публикуется письмо С.М. Буденного, направленное на имя наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова, в котором автор описывал свои впечатления о поведении на суде военного трибунала М.Н. Тухачевского и других подсудимых. Г. Ферр и В.Л. Бобров детально проанализировали документ и высказали по поводу него свое научно обоснованное мнение.

Ключевые слова: С.М. Буденный, М.Н. Тухачевский, К.Е. Ворошилов, сталинские репрессии, 1937 г., дело военачальников.

МАРШАЛ С.М. БУДЕННЫЙ О СУДЕ НАД М.Н. ТУХАЧЕВСКИМ. ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОЧЕВИДЦА

Предлагаемая вниманию читателей публикация ставит своей целью познакомить их с документом большой исторической важности: кратким отчетом маршала С.М. Буденного о процессе по делу контрреволюционной военной фашистской организации в Красной армии – отчетом, который Буденный, как очевидец и участник событий, подготовил всего через две недели после оглашения приговора Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР. Свои впечатления о суде над М.Н. Тухачевским и другими военачальниками Буденный изложил в виде письма на имя наркома обороны маршала К.Е. Ворошилова; на сегодняшний день именно этот документ наиболее полно и достоверно отражает то, что происходило 11 июня 1937 г. за закрытыми дверями судебного заседания.

В представленном ниже комментарии рассматриваются наиболее важные исторические обстоятельства, связанные с буденновским посланием, включая упоминания письма в различных публикациях, особенности его интерпретации и ряд других вопросов. Как представляется, значение записей Буденного о процессе настолько велико, что как исторический источник они способны внести существенные поправки в сегодняшние представления о событиях советского прошлого и, не исключено, привести к отказу от некоторых популярных штампов.

Самые первые сведения о суде над командирами Красной армии по «делу военных», или, как его еще называют, «делу Тухачевского», появились 11 июня 1937 г. на страницах газеты «Правда»; заметка кратко информиро-

вала о завершении предварительного следствия в отношении арестованных в разное время командиров РККА М.Н. Тухачевского, И.Э. Якира, И.П. Уборевича, А.И. Корка, Р.П. Эйдемана, Б.М. Фельдмана, В.М. Примакова и В.К. Путны и о начатом в тот же день рассмотрении их дела на закрытом заседании Специального судебного присутствия Верховного суда СССР.

В статье, озаглавленной «В прокуратуре СССР», далее сообщалось: «Следственными органами установлено участие обвиняемых, а также покончившего самоубийством Гамарника Я.Б. в антигосударственных связях с руководящими военными кругами одного из иностранных государств, ведущего недружелюбную политику в отношении СССР. Находясь на службе у военной разведки этого государства, обвиняемые систематически доставляли военным кругам этого государства шпионские сведения о состоянии Красной Армии, вели вредительскую работу по ослаблению мощи Красной Армии, пытались подготовить на случай военного нападения на СССР поражение Красной Армии и имели своей целью содействовать восстановлению в СССР власти помещиков и капиталистов».

На следующий день «Правда» огласила персональный состав Специального судебного присутствия (куда, заметим, среди девяти членов вошли маршал Советского Союза С.М. Буденный, командарм 2-го ранга Я.И. Алкснис и командарм 1-го ранга И.П. Белов) и скупо поведала о других подробностях длившегося ровно один день процесса: «По оглашении обвинительного заключения на вопрос председательствующего тов. Ульриха, признают ли подсудимые себя виновными в предъявленных им обвинениях, все подсудимые признали себя в указанных выше преступлениях виновными полностью».

Судом установлено, что <...> обвиняемые, находясь на службе у военной разведки одного из иностранных государств, ведущего недружелюбную политику в отношении СССР, систематически доставляли военным кругам этого государства шпионские сведения, совершали вредительские акты в целях подрыва мощи Рабоче-крестьянской Красной Армии, готовили на случай военного нападения на СССР поражение Красной Армии и имели своей целью содействовать расчленению Советского Союза и восстановлению в СССР власти помещиков и капиталистов».

Еще один официальный материал – приказ Наркомата обороны № 96 за подписью наркома обороны маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова, изданный на основе материалов только что завершившегося суда и состоявшегося неделей раньше Военного совета, появился на страницах «Правды» 13 июня.

Несмотря на смысловую и стилистическую близость всех сообщений, недомолвки и небольшие разночтения породили множество слухов и домыслов. И не случайно: ведь самое интригующее так и осталось за скобками официальных текстов. Как отмечает современный историк, в тех публикациях ничего не говорилось ни о попытке вооруженного переворота, ни о связях подсудимых с Троцким и другими лидерами оппозиции, – словом, отсутствовали чуть ли не главные пункты обвинений, выдвинутые на московских открытых процессах 1936–1938 гг.¹

Опираясь на просочившиеся в печать скудные сведения, западные наблюдатели восприняли их со скептицизмом, посчитав, что вся официальная информация о деле Тухачевского служит целям пропаганды и не заслуживает доверия². Позднее родилась другая версия: судебное заседание будто бы вообще не проводилось, а военачальников по-тихому расстреляли в разные дни без предъявления им конкретных обвинений³.

В марте 1938 г. на открытом процессе по делу правотроцкистского блока Н.И. Бухарин, Н.Н. Крестинский и ряд других подсудимых дали подробные показания о распределении ролей, планах и преступных деяниях участников «военной группы Тухачевского», но подробности того, что происходило 11 июня 1937 г. за закрытыми дверями Военной коллегии Верховного суда СССР, ни тогда, ни позднее не оглашались.

В отсутствие в распоряжении историков стенограммы закрытого заседания Специального судебного присутствия Верховного суда СССР публикуемое письмо маршала Буденного с его впечатлениями о процессе – это источник, который позволяет получить полное и достоверное представление о деле контрреволюционной военно-фашистской организации в Красной армии, выдвинутых судом обвинениях, показаниях и поведении подсудимых.

ЧАСТЬ 1. Документ, его история и содержание

Буденный и его письмо от 26 июня 1937 г.

Подготовленная Буденным докладная записка представляет собой своеобразный отчет очевидца и участника событий, составленный по горячим следам процесса и направленный адресату 26 июня 1937 года, т.е. через четырнадцать дней после вынесения приговора восьмерым бывшим командирам Красной армии. Как известно, из всех членов Специального судебного присутствия только Буденный и Белов оставили письменные впечатления о процессе. Оба адресованы наркому К.Е. Ворошилову. Однако причины, побудившие Буденного и Белова взяться за перо и подготовить пространные записки, пока не ясны.

Письмо Белова от 14 июля 1937 г. опубликовано более 10 лет назад и, следовательно, хорошо известно историкам. Написано оно в весьма расплывчатых выражениях и по большей части отражает личные переживания автора в связи с процессом. К сожалению, Белов не сказал почти ничего о том, какие показания давали в суде подсудимые; не стал он заострять внимание и на других важных подробностях увиденного. Чуть ниже мы скажем несколько слов о послании командарма.

С письмом Буденного дело обстоит иначе. Целиком оно не публиковалось и, судя по всему, до сих пор находится на секретном хранении в одном из российских архивов. Известны лишь отрывки, процитированные в справке, подготовленной в 1964 г. реабилитационной комиссией под председательством Н.М. Шверника (т.н. «справке Шверника»)⁴. Там письмо представлено как «докладная записка Сталину», хотя в действительности оно написано на имя Ворошилова, имеет пометки, сделанные, как предполагается, рукой последнего, и следы регистрации в секретариате НКО. Если не считать неверно указанного адресата, письмо содержит все имеющиеся в справке текстовые фрагменты, что, таким образом, удостоверяет подлинность публикуемого документа. О самой реабилитационной справке, допущенных в ней пропусках и предполагаемых причинах появления неверного адресата речь пойдет во второй части комментария.

Пока же, чуть забегаая вперед, отметим: из сопоставлений полного текста докладной записки Буденного с ранее опубликованными отрывками следует, что все цитировавшие ее авторы в действительности не видели всего письма целиком (хотя никто из них не уведомил об этом читателей). В лучшем случае им довелось познакомиться с неким «сокращенным вариантом» послания Буденного – документом, в котором процитированное письмо было искажено так, что предстало в виде «доказательства» невиновности казненных военачальников.

Поистине огромную ценность представляют те части письма, где Буденный пишет о том, как подсудимые описывают свое участие в антиправительственном заговоре, сообщают о распределении ролей между ними, задачах и методах достижения поставленных целей, включая соглашения, достигнутые в переговорах с германо-японскими кругами.

Представления о деле Тухачевского за последнее 10-летие существенно расширились. Стали известны документы, которые его реабилитируют, но, кроме того, и те, что указывают на виновность маршала и осужденных вместе с ним командиров. К числу последних, думается, принадлежит и публикуемое письмо Буденного. Увы, хотя бы краткое ознакомление с такими свидетельствами, а тем более оценка значимости каждого из них в рамках публикуемого комментария невозможны. Поэтому здесь мы вынуждены ограничиться замечанием, что другие до-

казательства вины Тухачевского совпадают или близки по смыслу к утверждениям записки Буденного.

В первой части комментария мы подробнее остановимся на двух аспектах буденновской записки: 1) сущности военного заговора, каким он предстает в показаниях самих подсудимых, и 2) рассмотренном на примере Р.П. Эйдемана вопросом о том, что «поведение обвиняемых в суде им было навязано следователями» средствами физического насилия. И в том и в другом случае мы будем иметь дело с утверждениями, которые в исторической литературе принято считать ложными, но которые тем не менее важны для понимания сущности московских показательных процессов, «чисток» в Красной армии и всего периода так называемой «ежовщины» 1937–1938 гг.

Письмо Буденного печатается по фотокопии из «архива Д.А. Волгогонова» в Библиотеке Конгресса США. Подлинность всей хранящейся там коллекции не вызывает сомнений, что уже обсуждалось на страницах различных изданий⁵. Подлинник докладной записки отпечатан на 19 машинописных страницах; номера листов, которые далее в комментарии указаны в квадратных скобках, относятся к атрибутам архивного дела, скопированного в начале 1990-х гг. помощниками Волгогонова.

Троцкий, военный заговор, Германия и Япония

В исторической литературе дело Тухачевского чаще всего связывают с антиправительственным мятежом, который маршал и его единомышленники готовили для вооруженного захвата власти в Кремле. Однако, как разъясняет Буденный, на процессе речь шла не о каком-то одном, а о двух, хотя и неравнозначных, вариантах готовящегося антиправительственного переворота: «В своем выступлении на заседании суда Якир остановился на сущности заговора, перед которым стояли задачи реставрации капитализма в нашей стране на основе фашистской диктатуры. К этому они должны были прийти двумя путями: во-первых, свержением существующей власти внутренними силами при помощи вооруженного переворота, и, во-вторых, если первое не будет осуществлено, то при помощи военного поражения с участием интервентов в лице германского фашизма, японского империализма и Польши...

Как в первом, так и во втором случаях средства для свержения Советского правительства и руководства партии применялись все без исключения. Ничем не брезговали: террор, шпионаж, диверсия, вредительство, провокация, компрометация руководителей партии, правительства, армии и Советской власти.

По словам Якира, у них было решено, что для данного дела все средства хороши» [л. 49–50].

В выступлении не только Якира, но и других подсудимых основной упор был сделан на подготовке поражения в будущей войне, связях военачальников с военно-политическими кругами Германии, Польши и Японии, а также с выдворенным из СССР Л.Д. Троцким. Что касается вооруженного мятежа с захватом Кремля и арестом партийно-правительственной верхушки, именно этот вопрос на процессе почти не затрагивался: «Корк высказал свое недоумение в том отношении, что Тухачевский, Якир и Уборевич знали о кремлевском заговоре с 1931 года, которым руководил Енукидзе, и даже знали все детали плана этого заговора, но почему-то на суде об этом не говорили (выделено нами. – Г.Ф., В.Б.), считая себя заговорщиками только с 1934 года <...> Корк показал, как должен был развернуться заговор в самом Кремле, в который были вовлечены: он – Корк, Горбачев, Егоров, бывший начальник школы им. ВЦИК и Именинников⁶, помполит школы ВЦИК» [л. 53].

Разделение в письме Буденного двух заговоров – одного во главе с Тухачевским и другого, того, что планировалось осуществить силами «кремлевской группы» Енукидзе, – совсем не случайно. Такая трактовка характерна для многих документов того времени и встречается, в частности, в конспекте выступления Н.И. Ежова на июньском (1937) Пленуме ЦК ВКП(б)⁷ и в стенограмме «бухаринского» процесса 1938 г.⁸ Таким образом, письмо Буденного помогает внести ясность в довольно запутан-

ный вопрос: под «заговором Тухачевского» будет правильнее понимать не вооруженный мятеж в Кремле, а государственный переворот, приуроченный к началу войны и готовившийся в сговоре с военно-политическими кругами враждебных держав и с Троцким⁹.

Ставка Тухачевского на развязывание войны и возможность последующего захвата власти косвенно подтверждается другими известными источниками. Так, в донесении японского военного атташе из Москвы за 1934 г. сообщается, что военные (а среди них названы: начальник Штаба РККА И.А. Егоров, командующий ВВС РККА Алкснис и инспектор кавалерии РККА Буденный) и гражданские представители советской власти всеми силами стремятся избежать войны, и «только один Тухачевский, по-видимому, выступает против этой точки зрения»¹⁰. И тот же военный атташе в одной из следующих своих депеш пишет: «Существует предположение о том, что в случае начала войны в ближайшее время среди населения Советского Союза начнется брожение»¹¹, что, таким образом, увязывает кровавые последствия массовых волнений с исповедуемой маршалом политикой «другой точки зрения». По мнению чехословацкого посланника Богдана Павлу (20.06.1937), судьбу Тухачевского предопределили его расхождения со Сталиным по вопросу преждевременного начала войны, что в таком случае могло бы иметь роковые последствия для всего советского строя¹².

Заметим: среди всех подсудимых Корк оказался единственным, кто дал показания о заговоре в Кремле. По его словам, Тухачевский, Уборевич и Якир знали все детали этого плана. И на предварительном следствии все трое, а также Фельдман и Корк подтвердили, что им знаком план «дворцового переворота» во главе с Енукидзе¹³. Следовательно, на судебном заседании Тухачевский, Якир и Уборевич по каким-то причинам решили просто уклониться от показаний об их личной причастности к «право-фашистской группе Енукидзе»¹⁴.

Мотивы такого поведения подсудимых нам, увы, не известны. Признание или непризнание еще одного тяжкого преступления никак не могло повлиять на их участь. В таком случае какой смысл дезавуировать показания Корка? Если придерживаться «канонической» версии «инсценировки», тогда тоже будет трудно понять, кому и зачем потребовалось выносить противоречия на процесс? И наконец, совсем не ясно, почему вопрос о первом сценарии заговора – столь важный для Сталина и кремлевских вождей – остался, по сути, без рассмотрения.

Избранная подсудимыми тактика поведения в суде в реабилитационном «Определении № 4н-0280/57» Военной коллегии Верховного суда СССР¹⁵ послужила поводом для обвинений организаторов процесса в фальсификациях. Со слов Буденного и из других доступных ныне материалов предварительного следствия явствует: высказанная Военной коллегией точка зрения, что подсудимые, «считавшие себя руководителями заговора, обнаружили в суде полное незнание подробностей намечавшегося ими «дворцового переворота»¹⁶, лишена оснований.

Буденный далее разъясняет: «Возникновение заговора относится по сути дела к 1934 году, а до этого, начиная с 1925 года, по выражению Якира, происходила «беспринципная групповщина». Другими словами, шли разговоры о неудовлетворительном руководстве армией, неправильном отношении со стороны руководства партии и правительства к «известным» «большим» людям зиновьевско-троцкистской и правой оппозиции. Также были подвергнуты резкой критике мероприятия партии и правительства при коллективизации 1930–31 годов.

В 1934 году от этих «беспринципных разговоров» перешли к объединению единомышленников, и в своем кабинете Тухачевский заявил, что от слов пора переходить к делу, и тогда же было решено, что деловыми вопросами должны стоять вербовка единомышленников в РККА. Для этого наиболее подходящими в армии были троцкисты, зиновьевцы и правые. Было решено этих людей всячески популяризировать в общественно-армейском мнении и продвигать по службе на ответственные посты по строе-

вой, политической и хозяйственной линии, а также по вооружению и организационно-мобилизационной работе¹⁷.

Как на политическую фигуру заговорщики ориентировались на Троцкого и его блок¹⁸, в который входили троцкисты, зиновьевцы, правые, националисты, меньшевики, эсеры и т.д.» [л. 50].

Несмотря на меры «строжайшей армейской конспирации», организационная структура заговора не носила строго иерархического характера: «При заданном вопросе Тухачевскому, как их заговорщический центр оформился и кто входил в этот центр, Тухачевский ответил, что специальной конституции о центре заговорщиков писано не было, но активными участниками центра были: Тухачевский, Гамарник, Якир, Уборевич, Корк, Фельдман, Примаков, т.е. что это был сговор.

Заговорщическая деятельность между Тухачевским и Гамарником была распределена следующим образом: Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк работали по Западу, а Гамарник – по Востоку. Якир заявил, что он был особо близко связан с Гамарником обоюдной информацией и что Якир информировал Гамарника о своей деятельности в УВО¹⁹, а Гамарник информировал Якира по Дальнему Востоку. Якир показал, что он не помнит случая, чтобы Гамарник обсуждал вопросы совместно с Тухачевским, Уборевичем, Якиром и Корком. Это подтвердил и Уборевич, добавив, что он, Уборевич, с Гамарником по заговорщическим вопросам вообще не разговаривал, но знал, что он является членом центра» [л. 52–53].

Показательно, что Корк, продемонстрировавший свою осведомленность о «кремлевском заговоре», тоже не знал некоторых существенных подробностей, касающихся заговора: «Видимо, предполагает Корк, руководители заговора, в лице Тухачевского, от него многое скрыли, как, например, работу Гамарника по Востоку и связь с Троцким, Бухариным и Рыковым. Однако Корк показал, что ему все же было известно, что руководители военно-фашистской контрреволюционной организации смотрят на связь с Троцким и правыми как на временное явление. Об этом Тухачевский говорил Корку в том смысле, что троцкисты, правые и т.д. только попутчики до поры до времени, а когда будет совершен вооруженный переворот, то он, Тухачевский, будет в роли Бонапарта» [л. 55].

Тот факт, что некоторые детали заговора не были известны даже тем, кто, как Уборевич и Корк, входили в число его руководителей, говорит в пользу достоверности показаний: ведь в случае реально существовавшего заговора такими сведениями может обладать крайне малое число лиц.

«Бонапартистскую» тему затронул и Примаков, который, по словам Буденного, «держался на суде с точки зрения мужества, пожалуй, лучше всех»: «Мы были Наполеонами без армии. Мы работали на фашистскую Германию. Но совершенно ясно, что из этой полдюжины Наполеонов остался бы один Наполеон и именно тот, который беспрекословно выполнял бы волю Гитлера и фашистской Германии» [л. 64].

Из показаний Примакова следует, что в случае государственного переворота сама логика заговора приведет к острому политическому соперничеству среди «победителей»²⁰. Очевидно, что верх в этой борьбе одержит тот, кто покажет себя наиболее послушной марионеткой нацистской Германии и Гитлера. Мы не знаем, кого именно Примаков имел в виду. Возможно, тем единственным Наполеоном он считал даже не Тухачевского, а своего кумира – Троцкого. Ибо чуть ранее Примаков говорил о привилегированном положении, которое Троцкий должен занять в «новом» Советском Союзе под германским покровительством.

Кроме того, у заговорщиков существовала договоренность с германским Генштабом в лице генералов Рунштедта²¹ и Кёстринга, и на случай войны готовился план поражения Красной армии²². Как отмечает Буденный, план поражения Тухачевского, Корк, Якир и Уборевич начали разрабатывать по собственной инициативе и только после этого должны были согласовать его с германским Генштабом. В качестве компенсации интервентам предпола-

галось отдать часть территории Советского Союза: Украину – Германии, Дальний Восток – Японии.

«От генерала Рунштедта Тухачевский получил указание, чтобы в пораженческом плане были предусмотрены вероятные направления главных ударов германских армий: одно на Украине – Львов, Киев и второе – захват повстанцами Ленинграда, что было бы наиболее выгодно Германии, так как последняя может оказать помощь повстанцам своей довольно значительной авиацией, причем эта авиация должна была рекламироваться как авиация, перешедшая со стороны красных войск к повстанцам...»²³

Подсудимые, хотя и заявили о том, что они пораженческого плана германскому Генштабу не успели передать, я же считаю, что план поражения красных армий, может быть, не столь подробный, все же германской разведке был передан²⁴. Это облегчалось тем, что Кёстринг почти постоянно находился в Москве и мог его получить тотчас же по окончании оперативной военной игры Генштаба РККА. Не обязательно было передавать письменный материал, когда это можно было сделать и на словах» [л. 65–66].

Политические аспекты заговора оставлены в записке Буденного почти без внимания. Куда больший интерес маршал проявил к вопросам профессионального характера, затронутым в показаниях подсудимых. Так, в докладной записке Буденный несколько раз касается темы возможного нанесения удара по СССР с территории прибалтийских государств: «Будет ли использована территория нейтральных во время войны прибалтийских государств для сосредоточения и удара германских армий по правому флангу наших армий Западного фронта?

Мне кажется, этот вопрос сомнений не вызывает. Я считаю, что немцы этим безусловно воспользуются. Все данные разведывательного характера, с которыми я имел возможность ознакомиться, говорят именно за это. Достаточно даже бегло изучить аэродромную сеть Латвии, Литвы и Эстонии, форсированно развивающуюся в последние годы, чтобы понять, что эти аэродромы как по количеству, так и по их емкости не рассчитаны на малочисленную авиацию прибалтийских государств, а рассчитываются на многочисленную авиацию Германии» [л. 66].

По тем же причинам Буденный обращает внимание на показания Примакова: «Ему, Примакову, Троцким была поставлена более серьезная задача – поднять в Ленинграде вооруженное восстание, для чего он, Примаков, должен был строго законспирироваться от всех террористических групп, порвать свои связи со всеми троцкистами и правыми и тем самым завоевать авторитет и абсолютное доверие со стороны партии и армейского командования...

В связи с этим специальным заданием Троцкого Примаков обрабатывал 25 кавдивизию во главе с командиром дивизии Зыбиным. По его словам, Зыбин должен был встретить на границе Троцкого²⁵ при овладении повстанцами Ленинградом. Для этой же цели подготавливали одну сд²⁶ и мк²⁷. Какую именно сд – я не помню, но по его выступлению можно установить» [л. 56].

Из объемистой «Трагедии РККА» О.Ф. Сувенирова явствует, что заявление Примакова не осталось незамеченным: «Начальник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР И.М. Леплевский 11 июня 1937 года обращается к Ворошилову: «По показаниям арестованного участника антисоветского военного заговора Примакова В.М. командир 26-й кавдивизии Зыбин является участником этого заговора. Прошу Вашего согласия на арест Зыбина». Через два дня на этом меморандуме появляется резолюция: «Арестовать. КВ. 13/VI.37»²⁸.

Этот случай Сувениров приводит, дабы проиллюстрировать свое утверждение: дескать, следственный аппарат НКВД мог добиться «нужных» лживых признаний от кого угодно. Но благодаря письму Буденного теперь известно: Примаков назвал фамилию С.П. Зыбина, выступая 11 июня 1937 г. с показаниями на процессе. А Леплевского как одного из присутствовавших в зале суда упоминает в своей записке командарм 1-го ранга Белов²⁹. Таким образом, если судить по совпадению дат показаний Примакова и записки Леплевского, именно 11 июня 1937 г. следователи НКВД

впервые услышали о причастности к заговору Зыбина и запросили санкцию на расследование его дела.

Интересно, что Буденный оказывается точным даже в таких деталях, которые, казалось бы, не имеют большого значения. Так, Семен Михайлович пишет, что Зыбин служил в 25-й кавдивизии, а процитированный Сувенировым Леплевский – что в 26-й. 25-я кавдивизия была развернута в Киевском военном округе, а 25-я – в Ленинградском. Зыбин же был арестован по ленинградскому «расстрельному списку»³⁰, поэтому прав все же Буденный, а не Сувениров или Леплевский.

Имя Троцкого, а не просто ссылки на безымянных «троцкистов», несколько раз встречается в письме Буденного. Первый, возможно, не единожды упоминался на процессе. Однако для маршала Буденного фигура Троцкого не представляла большого интереса; в прошлом наркомвоенмор, Троцкий сохранил влияние на некоторых военачальников³¹ и партийных руководителей, а те в свою очередь остались верны ему даже после высылки того за границу. Как отмечает Буденный, Троцкий был самой крупной политической фигурой среди всех участников заговора, названных на процессе.

Вопрос о пытках. Случай Эйдемана

Признание вины всеми подсудимыми, сходство их показаний между собой при различиях во второстепенных деталях – все это вынуждает нас кратко остановиться на версии, согласно которой «поведение обвиняемых в суде им было навязано следователями»³² с помощью методов физического насилия. Хотя подробное рассмотрение проблемы выходит за рамки комментария к публикуемому документу, будет в то же время несправедливо оставить вопрос совсем без внимания, поскольку и Буденный, и Белов отмечают странное поведение Эйдемана на процессе.

Вот как об этом написано у Буденного: «Эйдеман на суде ничего не мог сказать, а просто поднялся и сказал, что он, Эйдеман, ничего больше, кроме того, что он показал на предварительном следствии, показать не может и признает себя виновным... Эйдеман для произнесения заключительного слова еле поднялся на ноги, уперся обеими руками на впереди стоящие перила и начал свою речь...» [л. 55–56].

Белов высказался еще более кратко: «Эйдеман. Этот тип выглядел более жалко, чем все. Фигура смякла до отказа, он с трудом держался на ногах, он не говорил, а лепетал прерывистым глухим спазматическим голосом»³³.

Психофизиологическое состояние Эйдемана во время процесса было явно ненормальным. Но ни Буденный, ни Белов не связывают странности его поведения с применением пыток или иных незаконных методов ведения следствия. В их письмах нет даже *намёка* на что-либо подобное; наоборот, Белов, к примеру, упоминая, что Фельдман за несколько недель заключения сильно потерял в весе, нашел уместным отметить, как «Блюхер даже спрашивал у т. Леплевского, какой у него рецепт питания для арестованных, и нельзя ли этим рецептом воспользоваться ему?»³⁴ Солдафонский юмор такого сорта был бы вряд ли уместен, если бы Белов действительно считал, что кто-то из подсудимых подвергался пыткам.

Белов и Буденный почти одинаково пишут об Эйдемানে, и следы такого его состояния не могли не найти отражения в стенограмме процесса. Тем не менее ни одна из реабилитационных справок не придает сколько-нибудь серьезного значения имеющимся в этих источниках свидетельствам. Зато в качестве доказательств применения незаконных методов ведения следствия там приводятся слухи, пересказанные бывшими сотрудниками НКВД спустя 20 лет после событий. Причем главный из свидетелей истязаний Эйдемана Я.Л. Карпейский поведал, что он только *подозревает* конкретных лиц в применении «угроз или даже физических мер воздействия», хотя, как явствует из процитированных справок и фрагментов, самому ему при таких действиях присутствовать ни разу не доводилось...³⁵

Вообще, расследование случаев отступления следственных органов от процессуальных норм принадлежит к очень

сложной категории дел, где необходима особая щепетильность. Увы, реабилитационное «Определение», а тем более справки ЦК КПСС далеки от такой строгости: причины, повлекшие за собой психофизиологические сдвиги у Эйдемана, ни в одном (!) из реабилитационных документов не рассматриваются. Между тем часто случается, что сам по себе факт ареста или пребывание подозреваемого в следственном изоляторе способны привести к нервному срыву и при отсутствии какого-либо физического воздействия. Пример Н.И. Бухарина достаточно красноречив: припадки галлюцинаторного бреда и временные потери зрения, случавшиеся у него в период заключения, следует связывать исключительно с нервным перенапряжением самого подсудимого, но никак не с применением пыток³⁶.

Со ссылкой на бывшего работника «органов» Роберт Тэрстон о подготовке ареста Эйдемана сообщает: «Хотя он (Эйдеман. – Г.Ф., В.Б.) находился под подозрением, против него не существовало никаких «компромметирующих материалов». Но в НКВД знали о его дружбе с командармом [2-го ранга] А.И. Корком, причастность которого была выражена более явно. Агент, чей голос очень напоминал голос Корка, позвонил Эйдемону и, пародируя его друга, «предупредил», что в любой момент тот может подвергнуться аресту. НКВД следил за реакцией Эйдемана, и «энквэдэшникам», которые участвовали или слышали про случай с Эйдеманом, становилось понятно, что командарм вел себя как виновное лицо; ему, казалось, было точно известно, о чем именно говорил спародировавший Корка человек и почему»³⁷.

Судя по всему, перед нами один из слухов, интересный лишь тем, что, ничего не доказывая, он дает наглядное представление о некоторых «уловках» из арсенала следственного аппарата НКВД, к которым «органы» прибегали без обращения к методам физического насилия.

Если исходить из предположения, что процесс был инсценирован и следователи домогались от своих подопечных каких-то специфических показаний, то поведение Эйдемана отнюдь не соответствовало такой заранее отведенной ему роли. Наоборот, сам подсудимый явно *не делал* того, что от него хотели организаторы процесса, поскольку еле шевелил языком и вообще с трудом держался на ногах. Ничто не мешало организовать рассмотрение дела Эйдемана в упрощенном порядке отдельно от других подсудимых и без привлечения людей «со стороны» – Буденного, Алксниса, Блюхера и других; в свою очередь эти известные на всю страну командиры не нашли достаточных оснований, чтобы считать необычное состояние Эйдемана следствием пыток; то же и следователи: не убоившись подозрений в насилии, они отправили на процесс Эйдемана, человека тоже с очень громким именем.

Так или иначе, но имеющиеся в нашем распоряжении источники безоговорочно удостоверяют только одно – необычное психофизиологическое состояние Эйдемана на процессе. Никакие приведшие к тому причины, среди которых чаще всего называют пытки, не подкреплены в достаточной мере какими-либо историческими доказательствами.

ЧАСТЬ 2. Письмо Буденного в других источниках и в исторической литературе. Справка Шверника

За исключением двух случаев, все известные нам авторы, цитировавшие письмо Буденного, пользовались его публикацией в справке Шверника, большой фрагмент которой впервые появился на страницах журнала «Военные архивы России» (1994). Полный вариант справки увидел свет несколько лет спустя в «Военно-историческом архиве» и со ссылкой на последний затем был перепечатан в сборнике «Реабилитация: как это было».

Опубликованные тексты письма слово в слово совпадают с отрывком, приведенным в справке Шверника. И всем им присущи те же ошибки, одна из которых очевидна: «После суда Буденный представил Сталину 26 июня 1937 года докладную записку о своих впечатлениях от этого процесса. Он писал...»

Между тем фотокопия подлинника письма не оставляет сомнений, что «докладная записка» в действительности адресована не Сталину, а Ворошилову.

Архивисты, принимавшие участие в работе реабилитационной комиссии Президиума ЦК КПСС под председательством Шверника, по всей видимости, имели доступ к подлиннику письма Буденного, как и ко многим другим документам. И тем не менее в справку попали неверные сведения об адресате буденновского послания. Ошибка, или описка, или, как мы полагаем, преднамеренное искажение содержания письма случилось где-то по пути из архива, когда документ был перепечатан и, возможно, тогда же подвергся некоей первичной «обработке».

Причина нарочитого изменения адресата, как думается, кроется в той внутривластной обстановке, которая сложилась в СССР в первой половине 1960-х гг. Начиная с XXII съезда КПСС (17–31 октября 1961 г.) Хрущев и его сторонники развинули беспрецедентную по масштабам кампанию «десталинизации», по своему разоблачительному накалу во многом превзошедшую критику «культ личности» в «закрытом» докладе на XX съезде партии. Именно в те годы в Советском Союзе и странах народной демократии имя Сталина навсегда исчезло из названий городов, улиц и учреждений, а тело «отца народов» 31 октября 1961 г. было вынесено из Мавзолея и перезахоронено у Кремлевской стены.

На том же XXII съезде нападкам подвергся Ворошилов, и, что примечательно, – из уст Шверника. Только та критика носила не столь жесткий характер. Ворошилов в свою очередь покаялся в совершенных при Сталине ошибках и такой ценой смог сохранить за собой почетное, но чисто символическое место на советском партийно-правительственном Олимпе.

Климент Ефремович остался членом Президиума Верховного Совета СССР; но одновременно лишился места в Центральном комитете Коммунистической партии, куда его вновь переизбрали лишь при Л.И. Брежнев.

Иначе говоря, замена Ворошилова на Сталина в справке Шверника соответствовала политической тенденции тех лет, выразившейся в резко усиленном нападке на «культ» и личность Сталина при одновременном смягчении критики политических фигур, подобных Ворошилову. Такова наша догадка. С ее помощью мы пытались отыскать объяснение тому, что в противном случае следует интерпретировать как проявление вопиющей небрежности со стороны лиц, принимавших участие в подготовке реабилитационной справки.

Гораздо больше важных сведений можно извлечь из характерных купюр письма Буденного в справке Шверника. Решение представить в личном послании Хрущеву информацию, не отличающуюся достоверностью, означает, что перед составителями справки не ставилась задача поиска истины. Скорее, их цель состояла в том, чтобы с помощью документа, содержащего ссылки на основные источники, вооружить Хрущева доводами в пользу его предвзятых представлений о фабрикации Сталиным дела против Тухачевского и других, как считалось, ни в чем не повинных военачальников.

Последнее становится очевидным, если сравнить искаженный текст письма Буденного с выдержками из того же самого послания в справке Шверника. Вот несколько характерных примеров:

* Из показаний Якира изъят фрагмент, где описываются заговорщические соглашения с Германией и Японией; выброшены имена германских генералов Рунштедта и Кёстринга.

* Подробно остановившись на выступлении Якира в суде, Буденный далее заключает: «В последующих выступлениях подсудимых по сути дела все они держались в этих же рамках выступления Якира» [л. 51].

Но, как указывалось, показания Якира об изменческих контактах заговорщиков с Германией и Японией были вырезаны из письма Буденного. Тем самым у всех, кто знакомится со справкой Шверника, складывается превратное представление, будто Якир и остальные подсудимые

вели себя так, как если бы никаких контактов и соглашений с враждебными державами не было и признательных показаний на сей счет никто из них не давал.

* Из выступления Тухачевского выброшен фрагмент, объясняющий, почему он оказался в стане заговорщиков: «Явный перевес в Вооруженных силах вероятных противников СССР повлиял-де на него, Тухачевского, и в связи с этим он видел неизбежное поражение СССР, и что это и явилось основной причиной стать на сторону контрреволюционного военного фашистского заговора» [л. 51].

В отсутствие процитированного отрывка из оставшегося текста показаний вытекает, что Тухачевский поддерживал только легальные контакты с представителями германского командования.

* Случай с показаниями Примакова еще более показателен. Последний, как со ссылкой на Буденного гласит справка Шверника, «очень упорно отрицал», что «руководил террористической группой против тов. Ворошилова». Сами же причины такого упорства в справке красноречиво отсутствуют: «Отрицал он это на том основании, что якобы ему, Примакову, Троцким была поставлена более серьезная задача – поднять в Ленинграде вооруженное восстание...» [л. 56].

* Искажены показания и других подсудимых; к примеру, от признаний Фельдмана остался куцый обрывок одного из предложений, а остальное вымарано и выкинуто.

* Полностью вырвана из контекста фраза «в стенах НКВД»: «Описывая последнее слово подсудимых, Буденный отмечал, что Якир, Уборевич, Путьна, Фельдман говорили, что признались и рассказали они "в стенах НКВД"».

Почему все предложение не приведено целиком, станет ясно, если написанное в справке Шверника сопоставить с тем, что в действительности сказано Буденным: «Дальше Уборевич сказал: "Я, Уборевич, совершил перед партией и советским народом ничем не искупаемое преступление. Если бы было у меня тысячу жизней, то и они не смогли бы искупить преступления. Я изменил, как солдат присяге. Меня за это должны наказать со всей строгостью советских законов. Но я также прошу учесть, что я раскаялся в стенах НКВД, когда показал честно и до конца все свои преступления"» [л. 59–60] (выделено нами. – Г.Ф., В.Б.).

В письме Буденного фраза «в стенах НКВД» встречается еще дважды и каждый раз в похожем контексте. Читатели без труда найдут остальные случаи искажений того же сорта в справке Шверника.

«Красная звезда» (2003)

В 2003 г. газета «Красная звезда» опубликовала большое интервью с сыном маршала Буденного Михаилом, где среди прочего собеседники обменялись мнениями по поводу дела Тухачевского и суда над ним. Как сам Михаил Семенович, так и автор публикации – видный военный журналист А.Ю. Бондаренко, выразили точку зрения, в целом мало отличающуюся от той, что начиная с хрущевских времен стала в СССР официальной и в качестве таковой принята в постсоветской России.

Однако интервью примечательно не высказанными там взглядами, а опубликованным на страницах газеты фрагментом из письма Буденного – «первичной реакцией Семена Михайловича на происшедшее, изложенной в письме Генеральному секретарю». И как там же указано, напечатанный «Красной звездой» «материал получен редакцией в Архиве Президента Российской Федерации»³⁸.

К сожалению, сейчас невозможно установить, насколько полон был текст, оказавшийся в распоряжении газеты: возможно, речь шла о фотокопии какой-то части письма или, что вероятнее, о выписках, подготовленных кем-то из лиц, имевших доступ к подлиннику записки.

Зато совершенно ясно, что перепечатанный газетой отрывок взят не из справки Шверника. Во-первых, потому что в публикации указаны дата и номер документа: «26 июня 1937 года, № 0039, Москва», чего нет в справке Шверника. Во-вторых, вслед за описанием поведения маршала на процессе (а в справке, напомним, говорится,

что при чтении обвинительного заключения и показаниях других подсудимых Тухачевский «качал головой, подчеркивая тем самым, что, дескать, и суд, и следствие, и все, что записано в обвинительном заключении, – все это не совсем правда, не соответствует действительности») приводится одна из ключевых фраз письма Буденного: «В конце концов, Тухачевский виновным себя признал» [л. 59]³⁹, которой тоже нет в справке Шверника.

Отсутствует в справке Шверника, хотя и совпадает с ней по смыслу, набор реквизитов письма, воспроизведенного «Красной звездой»:

«ЦК ВКП(б), тов. Сталину.

Сов. секретно.

Только лично».

На самом деле письмо Буденного (как и Белова) направлялось не Сталину, а Ворошилову; кроме того, в подлиннике реквизиты письма напечатаны не строчными, а прописными буквами, причем строка с адресатом помещена после грифа «Совершенно секретно. Только лично».

В. Хаустов и Л. Самуэльсон

Самое последнее по времени обращение к письму Буденного находим в книге В. Хаустова и Л. Самуэльсона «Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938» (2009), ряд особенностей которой требует безусловного внимания.

Вместе со всеми остальными авторами, процитировавшими послание Буденного, Хаустов и Самуэльсон ошибочно указывают, будто оно адресовано Сталину. Однако из краткого пересказа становится ясно, что авторы тоже использовали не справку Шверника, а какой-то другой документ – чей-то подробный пересказ подлинника или обширные выдержки из него.

Так, Хаустов и Самуэльсон пишут: «Согласно признательным показаниям Примакова, в Красной Армии и вне ее насчитывалось от 700 до 1000 человек – участников военного заговора».

Но такое утверждение ошибочно. В действительности, по Буденному, Примаков указывал на «800–1000 человек в нашей армии и вне ее» как на членов масштабной контрреволюционной организации, в которой помимо военнослужащих состояли гражданские лица и к которой принадлежал сам комкор.

Неверно представлен у Хаустова и Самуэльсона и тот отрывок письма, где речь заходит о показаниях Тухачевского: «Произошли изменения, связанные с приходом Гитлера к власти. Если раньше предполагали, что СССР будут противостоять 60–66 польских дивизий, то теперь их будет более 100, что превосходило численность Красной Армии на возможном театре военных действий».

Здесь мы имеем дело с серьезными смысловыми искажениями, поскольку вот как на самом деле Тухачевский объяснял, почему он в конце концов перешел на сторону заговорщиков: «Тухачевский начал с того, что Красная Армия до фашистского переворота Гитлера в Германии готовилась против поляков и была способна разгромить польское государство. Однако при приходе Гитлера к власти в Германии, который заблокировался с поляками и развернул из 32 германских дивизий 108 дивизий, Красная Армия по сравнению с германской и польской армиями по своей численности была на 60–62 дивизии меньше» [л. 59].

Таким образом, Тухачевский говорил не о 100 с лишним польских, а о 108 дивизиях германской и польской армий, и, вместе взятые, они, по словам маршала, превосходили численность РККА на 60–62 дивизии.

Откровенно неряшливы Хаустов и Самуэльсон при пересказе еще одной части буденновского послания: «Фельдман подчеркивал, что заговорщикам не удалось назначить на важные посты своих людей, поскольку против этого категорически возражал нарком обороны Ворошилов».

А вот как тот же самый отрывок представлен в оригинале послания: «Фельдман признает, что многих из назначенных организацией кандидатов на ответственные должности назначить не удалось, потому что народный комиссар обороны часто не соглашался с его, Фельдмана, предложениями, хотя эти предложения и проходили с

большим нажимом на наркома со стороны Якира, Уборевича, Гамарника и Фельдмана» [л. 57]⁴⁰.

Все три использованные Хаустовым и Самуэльсоном отрывки из письма Буденного отсутствуют в справке Шверника. Поэтому есть все основания считать, что Хаустову и Самуэльсону удалось познакомиться с каким-то более подробным документом, нежели справка Шверника. С другой стороны, трудно вообразить, что сами маститые авторы могли допустить столь грубые искажения да еще заменить подлинного адресата на вымышленного. Тем не менее сам такой документ, составленный на основе письма Буденного и, по-видимому, содержащий все указанные ошибки и неточности, действительно существует, так как Хаустов и Самуэльсон указывают его атрибуты в Архиве Президента РФ, но, в отличие от 19-страничного подлинника, объем этого документа – 14 страниц.

***

Подытожим. Все сказанное не оставляет места для сомнений в том, что составители справки Шверника явно избегали писать и не писали всей правды о деле Тухачевского и тем самым дезинформировали, вводили в заблуждение высших партийных руководителей. Очень может быть, что для тех же целей был изготовлен сокращенный вариант письма Буденного, который хотя и искажал его содержание, зато представлял события в нужном для составителей свете. Известно, что к такому приему прибегли некоторые из соратников Хрущева, выступавшие на июньском (1957) Пленуме ЦК КПСС, посвященном делу «антипартийной группы» В.М. Молотова, Г.М. Маленкова, Л.М. Кагановича, а затем повторившие тот же трюк на XXII съезде партии. Грубой фальсификации тогда подверглось покаянное ходатайство Якира о пощаде, в котором командарм сознается в совершенных им тяжких государственных преступлениях, но которое с помощью вымарывания отдельных фраз было представлено чуть не как письмо-протест против совершаемых против него несправедливостей.

Трудно вообразить, что архивисты и другие рядовые сотрудники, привлеченные к работе над справкой Шверника, по собственной инициативе решились на передачу в партийные верха недостоверной информации. Скорее всего они действовали по указке руководителей аппарата ЦК КПСС, потребовавших от своих подчиненных представить «сто процентные» доказательства невиновности казненных военачальников. Для чего им было предложено использовать только подлинные документы, ибо для фабрикация фальшивок требуются не только широкий кругозор и глубокие знания истории, но еще и профессиональные навыки в нескольких технических дисциплинах. Вот почему первоначально дело ограничивалось перепечаткой неких «рабочих материалов» (вроде изуродованного по содержанию ходатайства Якира), которые под пером одного из высокопоставленных партийных деятелей, хорошо знакомого с личными предпочтениями и антипатиями Хрущева, были отредактированы и включены в текст справки.

В любом случае, не сами партийные бонзы, а низовые работники, участвовавшие в подготовке справки Шверника, выполнили черновую работу по очистке документальных материалов от доказательств виновности Тухачевского и его единомышленников. Одновременно и тем же самым коллективом были найдены новые и отточены некоторые старые аргументы, которые по усмотрению партийного начальства могли бы служить подтверждением тезиса о фабрикации дела Тухачевского. Какая-то часть тех аргументов выглядела правдоподобно. Другая – нет. Незыблемым оставалось лишь одно: никто кроме узкого круга доверенных лиц не имел доступа к первичным источникам.

Нет причин сомневаться: Буденный со структурной точностью изложил то, что происходило на процессе. На все 100% удостовериться в том можно было бы, сверившись с текстом стенографической записи судебного заседания. Но в том-то и дело, что последняя вот уже несколько десятилетий недоступна для исследователей. А следовательно, ничего не остается, как обратиться к крупицам сведений в немногочисленных публикациях, отражившим содержание стенограммы процесса.

Свидетельство Б.А. Викторова

В 1988 г. газета «Правда» опубликовала статью Б.А. Викторова⁴¹, бывшего заместителя Главного военного прокурора армии и флота (1955–1967), в которой он поделился наблюдениями и воспоминаниями, связанными с участием в «реабилитации» Тухачевского и других осужденных по тому же делу командиров Красной армии. Исправленный (и дополненный рядом небезынтересных подробностей) вариант того же очерка в 1990 г. вошел в книгу Викторова «Без грифа “секретно”».

В статье и книге Викторов утверждает, что с судебными материалами по делу Тухачевского ему довелось познакомиться по долгу службы еще в 1950-е гг., в подтверждение чего им приводятся несколько цитат, которые, если верить автору, почерпнуты из стенограммы процесса. Однако личное участие в реабилитации Тухачевского означает, что Викторов причастен к подготовке именно того криводушного «Определения № 4н-0280/57» Военной коллегии, о котором речь шла выше.

Ряд существенных неточностей мы находим у Викторова там, где он, к примеру, цитирует заявление М.П. Фриновского от 11 апреля 1939 г. Полный текст документа опубликован в 2006 г., поэтому легко убедиться, что у Фриновского нет ни слова в защиту или в оправдание осужденных военачальников. Более того, в той же самой записке Фриновский клеймит Бухарина, Рыкова, Ягуду и других деятелей за их участие в правотроцкистском заговоре. Но тщетно искать у Викторова упоминаний этих фактов; они просто отбрасываются, поскольку не вписываются в выстроенную им историческую конструкцию.

Характерная особенность: несмотря на очевидные смысловые искажения, сами источники процитированы Викторовым достаточно аккуратно. Изучение «реабилитационных» справок дает сходные результаты: все использованные там фрагменты почти всегда приводятся близко к тексту первоисточников, но все они, как правило, так искусно вырваны из контекста, что приобретают совсем другое значение.

Таким образом, не исключено, что выдержка из «последнего слова» Примакова в книге и статье Викторова процитирована без искажений: «Я должен сказать последнюю правду о нашем заговоре. Ни в истории нашей революции, ни в истории других революций не было такого заговора, как наш, – ни по цели, ни по составу, ни по тем средствам, которые заговор для себя выбрал. Из чего состоит заговор? Кого объединило фашистское знамя Троцкого? Оно объединило все контрреволюционные элементы; все, что было контрреволюционного в Красной Армии, собралось в одно место, под одно знамя, под фашистское знамя Троцкого. Какие средства выбрал себе этот заговор? Все средства: измена, предательство, поражение своей страны, вредительство, шпионаж, террор. Для какой цели? Для восстановления капитализма. Путь один – ломать диктатуру пролетариата и заменять фашистской диктатурой. Какие же силы собрал заговор для того, чтобы выполнить этот план? Я назвал следствию больше 70 человек заговорщиков, которых я завербовал сам или знал по ходу заговора... Я составил себе суждение о социальном лице заговора, т.е. из каких групп он состоит, его руководство, центр. Люди, входящие в заговор, не имеют глубоких корней в нашей Советской стране потому, что у каждого из них есть своя вторая родина: у Якира – родня в Бессарабии, у Путны и Уборевича – в Литве, Фельдман связан с Южной Америкой не меньше, чем с Одессой, Эйдемман с Прибалтикой не меньше, чем с нашей страной»⁴².

Трудно не заметить, насколько приведенный выше отрывок по смыслу близок к той части исследуемого нами письма, где пересказывается содержание заключительной речи Примакова в суде. Ясно, что Буденный не цитирует стенограмму процесса, а передает по памяти свои личные впечатления от увиденного и услышанного. Однако при сопоставлении обоих текстов выявляется их смысловое тождество. Таким образом, приведенная Викторовым выдержка из стенограммы позволяет удостове-

ряться в надежности сделанных Буденным записей показаний осужденных военачальников.

Во всем остальном сообщения Викторова о процессе – результат тщательного отсева «ненужных» сведений сквозь сито предвзятых представлений о суде над Тухачевским. Викторов, к примеру, отмечает, что за исключением Примакова подсудимые единодушно заявили о «преданности делу революции, Красной Армии и лично товарищу Сталину». Так, наверное, оно и было, да только Викторов «позабыл» упомянуть такой ключевой факт, как безусловное признание всеми (и Примаковым) своей тяжкой вины, что в каждом случае предшествовало их клятвенным заверениям!

Материалы рассекречены, доступ к делу... закрыт

О рассекречивании «дела военных» впервые было публично заявлено 17 апреля 1991 г. в статье корреспондента «Красной звезды» Алексея Хорева «Как судили Тухачевского», вышедшей с кричащим подзаголовком: «Комитет государственной безопасности СССР снял гриф секретности с материалов, связанных с осуждением маршала Тухачевского и других военачальников в 1937 году». Но все надежды исследователей заполнить само дело, чтобы начать изучать его по архивным источникам, оказались напрасными.

В своей публикации корреспондент «Красной звезды» процитировал ряд малоизвестных писем и показаний, и, как следует думать, ему действительно удалось познакомиться с некоторыми из документов или их фрагментами. Но о процессе как таковом в статье сказано мало. И лишь в одном случае Хорев со ссылкой на стенограмму затрагивает вопрос, на котором кратко останавливался Буденный: «Блюхер, в частности, как и Буденный, Алкснис, держался вовсе не пассивно. У Якира он (не ясно, кто именно: Блюхер, Буденный, Алкснис? – Г.Ф., В.Б.), например, настойчиво допытывался о Гамарнике:

– Нельзя ли подробнее – о роли Гамарника в контрреволюционном троцкистском заговоре? Я думаю, вы знаете больше, чем говорите».

Вопрос оставлен Хоревым и без реплики Якира, и без собственного комментария. Буденный же пишет не только о том, какие показания о Гамарнике давали подсудимые, но и дает объяснение, почему о нем говорилось крайне мало: «Участие Гамарника в заговоре все подсудимые, безусловно, пытались скрыть, по-видимому, из тех соображений, что Гамарник, представляя из себя политическую фигуру, вербовал политсостав в армию и, видимо, был связан не только с верхушкой правых, троцкистов и зинovieвцев, известных нам, но и с рядом других ответственных гражданских работников» [л. 65].

Через 10 с лишним лет после Хорева заявления о рассекречивании стенограммы процесса вторично появились в печати. В феврале 2004 г. на двух полосах газеты «Известия» была опубликована большая статья Юлии Кантор, где ее представили «первым за последние полвека читателем хранящегося в Центральном архиве ФСБ “дела о военно-фашистском заговоре”». Публикаторы не вспомнили не только Хорева (1991), но даже А.Н. Яковлева (1988) и Шверника (1961–1964), а заодно с ними и тех избранных, кто подобно Викторovu (1957) участвовал в подготовке реабилитационных справок по делу Тухачевского.

Что бы там ни было, но Кантор действительно знакомилась с материалами процесса: для убедительности в газете даже помещена фотокопия обложки стенограммы заседания Специального судебного присутствия. А что касается той статьи и других работ Кантор, то вне зависимости от собственной (и во многом спорной) позиции их автора подавляющая часть приведенных там выдержек существенно подкрепляет наш вывод о высокой надежности и точности записанных Буденным впечатлений о процессе. Маршал, к примеру, отмечает, что, признавая вину, Тухачевский в последнем слове «пытался очень туманно сказать, что в нем также сидели два человека: один – советский, а другой – враг», а Кантор словно пытается проиллюстрировать утверждение Буденного материалами процесса: «Подсудимый Тухачевский: ...Путь

группировки, стащившей меня на путь подлого правого оппортунизма и трижды проклятого троцкизма, который привел к связи с фашизмом и японским Генеральным штабом, все же не убил во мне любви к нашей армии, любви к нашей Советской стране, и, делая это подлое контрреволюционное дело, я тоже раздваивался. Вы сами знаете, что, несмотря на все это, я делал полезное дело в области вооружения, в области боевой подготовки и в области других сторон жизни Красной Армии.

Преступление настолько тяжело, что говорить о пощаде трудно, но я прошу суд верить мне, что я полностью открылся, что тайн у меня нет перед Советской властью, нет перед партией»⁴³.

То же можно сказать и о других процитированных Кантор выдержках из стенограммы суда. Но особенно интересна ее статья в той части, где говорится о том, как именно ей удалось получить доступ к архивно-следственному делу Тухачевского и материалам суда. Последние хранились в Центральном архиве ФСБ, и в ответ на письменное обращение «Известий» Федеральная служба безопасности подтвердила, что дело Тухачевского рассекречено, однако получить их для ознакомления... невозможно без официально оформленного разрешения кого-то из родственников на основе нотариально заверенной доверенности.

Абсурд ситуации очевиден: документы рассекречены, но доступ к ним закрыт под явно надуманным предлогом. Ведь если материалы процесса действительно содержат какие-то тайны личной жизни, тогда почему требуется разрешение потомков какого-то одного из репрессированных? Разве потомки, скажем, Якира вправе распоряжаться тайнами личной жизни Тухачевского или заочно осужденных на процессе Троцкого и Гамарника?

Но дело не только в этом. Как разъясняет Н.В. Петров («Мемориал»), «разрешительная практика» такого сорта была регламентирована не буквой закона, а внутренними правилами самих силовых структур: «Требования, предъявляемые к исследователю архивными чиновниками на получение письменного согласия от потомков репрессированных для доступа к архивно-следственным делам, не соотносятся законодательству. С какой это стати право распоряжаться архивным делом репрессированного принадлежит его потомкам. В России по закону наследуется только право на имущество и авторское право, но никак не право распоряжаться доступом к документам государственных архивов (заметим, государственных, а не личных!)»⁴⁴.

С точки зрения здравого смысла, объяснить, почему потомки жертв политических репрессий наделены правом запрета на ознакомление с архивными материалами, можно лишь одним – тем, что раскрытие всей правды об их родственниках способно поколебать уверенность в справедливости проведенной когда-то реабилитации. Заинтересованы в сохранении status quo и нынешние российские власти. Вот почему вслед за Петровым и мы готовы повторить, что «порой складывается впечатление, что сокрытие истории и есть главный аспект национальной российской политики»⁴⁵.

Свидетельство В.И. Алксниса

В 1990 г. с личного разрешения Председателя КГБ В.А. Крючкова возможность ознакомиться со стенограммой судебного заседания по делу Тухачевского представилась народному депутату Верховного Совета СССР полковнику В.И. Алкснису. В 1930-е гг. дед Виктор Имантович командарм 2-го ранга Яков Иванович Алкснис занимал руководящие должности в Наркомате обороны, входил в состав Специального судебного присутствия, рассматривавшего дело военных. Но затем сам был арестован и приговорен к смертной казни по обвинению в принадлежности к латышской националистической организации в РККА.

Несмотря на широко декларируемую политику «гласности», все обращения Алксниса-внука в реабилитационную комиссию Политбюро ЦК КПСС под председательством Яковлева заканчивались ничем. Доступ к материалам процесса стал возможен только после обретения Алкснисом статуса народного избранника в высший законодательный орган Союза ССР, несмотря на отсут-

ствии у него какого-либо родства с осужденными по делу Тухачевского лицами.

Знакомясь со стенограммой, Алкснис наткнулся на факты, которые расходились со многими клише времен горбачевской «перестройки», вследствие чего у него сложилось мнение о виновности Тухачевского и других осужденных с ним командиров. Впечатления от знакомства с материалами процесса он изложил в интервью малоизвестному и малотиражному журналу «Элементы»⁴⁶: «Мой дед и Тухачевский были друзьями. И дед входил в состав того судебного совещания, которое судило и Тухачевского, и Эйдемана. Интерес к этому делу еще более усилился после известных публикаций прокурора Викторова, писавшего, что Яков Алкснис вел себя на процессе очень активно, “топил” обвиняемых...»

По стенограмме же – все наоборот. За все время процесса им заданы всего два-три вопроса. Но самое странное – это поведение обвиняемых. В газетах писали, что они все отрицали, ни с чем не соглашались. А в стенограмме – полное признание. Самого факта признания, я понимаю, можно добиться пытками. Но там совсем другое: обилие подробностей, длинный диалог, взаимные обвинения, масса уточнений. Отрежиссировать такое невозможно. Тут что-то загадочное...

О характере заговора мне ничего не известно. Но в том, что заговор внутри Красной Армии действительно существовал, и Тухачевский был его участником, я сегодня убежден полностью.

Так что несмотря на внешнее обилие публикаций вопросов все больше. Чтобы ответить на них, нужен доступ ко всем материалам. Казалось бы: так долго твердили о необходимости их рассекречивания. Так рассекретьте, наконец! Ан – нет. Видимо в тех материалах есть какие-то большие загадки».

Из всех, кто когда-либо получал доступ к материалам суда, пожалуй, лишь Алкснис публично признался, что в свете архивных документов расхожие представления о невиновности Тухачевского и других военачальников оказываются неосновательными. По-видимому, прав Виктор Имантович в своей оценке того, почему – в силу «каких-то больших загадок» – столь давнее, хотя и очень громкое дело власти продолжают хранить под спудом.

Стенограмму Алкснис изучал в 1990-м, а его интервью «Элементам» вышло в номере журнала за 1993 г. Поэтому 13 августа 2000 г. один из авторов этой публикации (Бобров) обратился лично к Алкснису, чтобы получить его разъяснения, что называется, из первых уст. Ниже цитируются фрагменты расшифровки сделанной тогда же аудиозаписи.

«Алкснис: Полистав стенограмму, у меня появилось больше вопросов, чем я получил ответов. Я вынес впечатление, что, очевидно, заговор существовал в действительности. Беда в том, что если в 1937 году считалось, что осужденные тогда – это “враги народа”, то после 1985 года все стали невиновными. А я думаю, что была и оппозиция, в том числе и Сталину...»

Но вот что меня насторожило: в стенограмме есть моменты, которые свидетельствуют об искренности заявлений, – как бы кто ни говорил, что процесс был организованным спектаклем, что с подсудимыми специально работали для дачи нужных показаний.

Ну, представьте: скажем, Тухачевский рассказывает о встрече с военным атташе Германии на подмосковной даче.

Вопрос: Кёстрингом?

Алкснис: Я сейчас уже не помню фамилию. И в этот момент вдруг вмешивается Примаков и говорит: “Михаил Николаевич, вы ошиблись. Эта встреча состоялась не в вашем кабинете на даче, а на веранде”. Я так понимаю, что невозможно было бы срежиссировать все так, чтобы Тухачевский говорил именно об этом и чтобы Примаков сделал такое уточнение.

Вопрос: Хорошо, а были ли какие-то обстоятельства, заставляющие думать, что процесс был все-таки срежиссирован?

Алкснис: Нет, так срежиссировать процесс, как он изложен в стенограмме, нельзя.

Вопрос: То есть вы хотите сказать, что, просмотрев стенограмму, вы в ней не обнаружили никаких следов какой-то режиссуры?

Алкнис: Да. Да. Да. Причем все каются, и когда в своем последнем слове все признают свою вину, что они были участниками заговора (зная, что за этим последует, что их ждет расстрел), то невозможно представить, чтобы всех их заставили сделать такие признания и заявления».

Продолжая, полковник Алкнис дал понять, что в отличие от этих подсудимых показания его деда, командарма 2-го ранга, арестованного в разгул «ежовщины» – 28 ноября 1937 г., носили вынужденный характер. Что явствует из материалов архивного дела Якова Ивановича, которое, по мнению внука командарма, было сфабриковано.

Затем беседа вновь вернулась к стенограмме процесса над Тухачевским:

Вопрос: Какой был главный пункт обвинения заговорщиков?

Алкнис: Там было все: и шпионаж, и подготовка военного переворота, и вредительство...

Вопрос: А что значит «шпионаж»? Вот вы говорили про свидание на даче...

Алкнис: Да, да, с германским военным атташе. Речь шла о том, что налаживается взаимодействие с немецкими военными, идут контакты с ними.

Вопрос: Кто преимущественно говорил об этом – Тухачевский, Уборевич?

Алкнис: Они все рассказывали. Речь шла о том, что существует единая организация, ее возглавляет Тухачевский, и она занимается подобными вещами. Именно это было основным на процессе».

Таким образом, через семь лет после своего журнального интервью Алкнис вновь заявил об ошибочности утверждений прокурора Викторова⁴⁷, касающихся его деда. Вот почему нельзя исключать, что в отличие от Алкниса Викторов мог и не читать всей стенограммы процесса, а если прочитал, то *умышленно* исказил ее содержание:

«Вопрос: В статье Викторова сообщается, что командарм Алкнис якобы «топил» обвиняемых. Но, по Викторову, он «топил» не Тухачевского, а Корка. Причем за шпионаж. А что было на самом деле?»

Алкнис: Да, сообщалось, будто мой дед был очень активным участником процесса. А из стенограммы следует, что он лишь три раза задавал вопросы. Зато очень активно себя вел, например, Блюхер. Для меня самым важным в стенограмме процесса было то, что в действительности дед не был самым главным [среди обвинителей]».

Затронутый Алкнисом вопрос о честности Викторова имеет далеко идущие последствия, ибо бросает тень сомнения на правдивость других заявлений прокурора в его статьях и книге, изданной в свое время огромным тиражом, и кроме того помогает получить представление о том, как именно готовились реабилитации лиц, осужденных по делу Тухачевского.

Впечатления, изложенные в 1993-м в интервью «Элементам», а в 2000-м – в частной беседе с одним из авторов данной публикации, Алкнис подтвердил в статье 2009 г., где еще раз заявил, что только после ознакомления со стенограммой процесса «пришел к выводу, что все-таки «заговор военных» или что-то тому подобное в Красной Армии было»⁴⁸. Но в отличие от прошлых лет – с одним важным уточнением. Оказывается, пока документы хранились в архиве в ожидании, когда свободный доступ к ним получат архивисты-историки, материалы самих уголовных дел подверглись «расчистке». Когда, по словам Алкниса, в 2000 г. он вторично обратился в ЦА ФСБ, то благодаря своим старым записям выяснил, что из досье его репрессированного деда «пропало донесение разведки НКВД, датированное 1932 годом» и ряд других документов... Следовательно, как заключает экс-депутат, «в архивах имеются документы, которые не устраивают и нынешнюю власть».

К сказанному остается лишь добавить: замечания, сделанные Алкнисом, очень близки по смыслу к написанному в письме Буденного, а те в свою очередь – к содержанию других первичных документов.

Письмо Белова Ворошилову от 14 июля 1937 г.

Письмо Белова полностью опубликовано в 1996 г. в Неаполе в сборнике документов из фондов РГВА. Учитывая, сколь велик объем первоисточников, донные остающихся на секретном хранении, удивление вызывает не диковинное место книжной публикации, а само ее появление. Но каковы бы ни были обстоятельства, связанные с выходом сборника в свет, предание огласке письма Белова – факт, безусловно, положительный, хотя о самом судебном заседании там сказано немного. При всем том Иван Панфилович в некоторых случаях пишет о таких обстоятельствах рассмотрения дела в суде, каких не найти и у Буденного (например, что процесс в общей сложности длился около 12 часов).

Как и Буденный, Белов не оставляет сомнений в виновности всех подсудимых, что подтверждается следующими фрагментами его письма: «Я много передумал о людях, так подло обманувших доверие партии и народа. Читал я все их показания. Возмущался, ненавидел, доискивался причины, почему они так подло изменили, так низко пали морально <...>

Как они дополняли картину неслыханного и невиданного в истории человечества государственного преступления?

Якир <...> пытался и процесс завести на путь оценки его роли как положительной и свою подлую предательскую роль свести к пустячкам.

Фельдман <...> упрекнул своих собратьев по процессу, что они, как институтки, боятся называть вещи своими именами, занимались шпионажем самым обыкновенным...

О Путне осталось впечатление, что это старый «матерый» шпион.

Пощады просили Фельдман и Корк. Фельдман даже договорился до следующего: «Где же забота о живом человеке, если нас не помилуют».

Остальные все говорили, что смерти мало за такие тяжкие преступления против Родины».

Как следует из письма, никто из военачальников не отрицал причастности к заговору, хотя некоторые все же пытались преуменьшить степень своей вины. Что касается лично Белова, справедливость выдвинутых судом обвинений сомнений у него не вызывала. В письме он ясно дает понять: подсудимые дали признательные показания и сами сознались в содеянном.

Н.С. Черушеву представилась уникальная возможность изучить архивно-следственное дело Белова, взятого под стражу в январе 1938 г. По словам исследователя, «в судебном заседании, которое заняло всего 20 минут, Белов признал себя виновным и показания, данные им на предварительном следствии, подтвердил»⁴⁹. Среди прочего Черушев пересказывает содержание приговора Военной коллегии от 29 июля 1938 г., где, по его словам, говорилось о следующем: «В 1931 году Белов лично установил связь с одним из руководителей организации правых в ВКП(б) – Н.И. Бухариным, от которого получил указания об усилении антисоветской деятельности. Через членов партии левых эсеров В.Н. Черневского (начальника отдела в Строительно-квартирном управлении РККА), Н.А. Паскуцкого (заместителя наркома земледелия СССР) он имел непрерывную связь с ЦК Трудовой крестьянской партии в Праге, получая от ее лидера Маслова соответствующие указания и информируя его о деятельности эсеровского подполья в СССР, а также передавая ему шпионские материалы об РККА. В 1930 году Белов, будучи в командировке в Германии, лично установил связь с агентом английской разведки Бейли, до 1937 года снабжая эту разведку шпионскими сведениями. Отмечалось, что в своей антисоветской деятельности Белов как один из организаторов военно-эсеровской организации был связан с руководителем военно-фашистского заговора Тухачевским и с группой правых в Красной армии в лице А.С. Булина, заместителя начальника Политуправления РККА, а также с другими антисоветскими организациями.

Пожалуй, ни у кого из советских военных деятелей, подвергшихся репрессиям в 1937–1938 годах, нет такого широкого диапазона антисоветской деятельности, как у

Белова, если не считать М.Н. Тухачевского и его поделщиков. Кроме признания им своей вины, обвинительный приговор в отношении Белова был основан также на показаниях арестованных по своим делам А.Г. Гордона, А.А. Рейценштейна, И.В. Запорожца, Б.Н. Иванова, И.Д. Капуловского и других»⁵⁰.

Белов, арестованный по обвинению в шпионаже, на предварительном следствии сознался в своих преступлениях и подтвердил признательные показания в суде. В отсутствие веских причин (таких, как алиби) или иных аргументированных сомнений – признания, полученные на предварительном следствии и подтвержденные обвиняемым в суде, в уголовно-процессуальной практике принято считать доказательствами вины.

Следует поблагодарить Черушева за опубликованные в его книгах сведения, поскольку те идут вразрез с представлениями самого автора о невинности казненных военачальников и фальсификации их уголовных дел. И если Белов вправду был причастен к заговору, тогда нетрудно понять, почему его запоздалые впечатления столь расплывчаты: чем меньше сказано, тем лучше...

Заключение

Прошло более 50 лет с того времени, когда лица, представшие на скамье подсудимых по делу военно-фашистской организации в Красной армии, были провозглашены невинными жертвами сталинского произвола. Некоторые из военачальников, в том числе маршал Тухачевский, обрели репутацию национальных героев.

Однако концепция, казавшаяся удовлетворительной в течение нескольких десятилетий и нашедшая отражение

в реабилитационных справках и других источниках полувековой давности, сегодня все чаще обнаруживает серьезные прорехи и недочеты. Немалое значение имеет и тот факт, что, несмотря на партийную и судебную реабилитацию военачальников, осужденных по делу Тухачевского, в последние годы появились документальные свидетельства, указывающие на наличие несанкционированных контактов маршала с эмиссарами иностранных держав и его причастность к разработке планов отстранения от власти партийно-правительственного руководства СССР. И число таких источников растет. Поэтому в научно-историческом плане вопрос о невинности Тухачевского нельзя считать окончательно установленным.

В 2012 г. завершается 75-летний срок ограничения доступа к уже рассекреченным материалам дела Тухачевского, в том числе к стенограмме закрытого процесса над командирами Красной армии. Но так и не ясно: будут ли эти документы, наконец, преданы широкой гласности? В 1993 г., отвечая на подобный вопрос, полковник Алкнис отмечал: «Похоже, что там, в [19]30-х годах, стоит некая пушка, которая может выстрелить по нам, по нашему времени. И все может тогда повернуться совершенно иным образом. А пока... Пока создано определенное представление о тех событиях и делается все, чтобы именно такое представление поддерживать...»⁵¹

Нам остается лишь надеяться, что публикуемое письмо Буденного, возможно, даст импульс к обобщению имеющихся материалов и новому изучению причин, приведших группу высокопоставленных военачальников на скамью подсудимых, к объективному, политически непредвзятому рассмотрению всех обстоятельств их громкого дела.

¹ Жуков Ю.Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 годы. М.: Вагриус, 2003. С. 414.

² «Коммюнике властей о деле Тухачевского и других – такая же пропаганда, в которой нет ни слова правды», – так, в частности, сообщилось в докладе «Внутреннее положение СССР (Анализ дела Тухачевского)», подготовленном в июле 1937 г. бывшим помощником японского военного атташе в Москве Ецуо Коотани (Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. М.: Материк, 2004, док. № 265; см. также: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/61257>). По иронии судьбы, именно Коотани менее чем через год пришлось вести первые допросы советского перебежчика Г.С. Люшкова, который подтвердил реальность существования паутины заговоров в Москве и на Дальнем Востоке (*Alvin Coox. Lesser of Two Hells, Part I, II. // Journal of Slavic Military Studies. 1998. Vol. 11, No. 3. P. 151, 151–158; No. 4, 73–74, 85; о Коотани сообщается в No. 3. P. 161, 171, 179*).

³ В очерке, опубликованном в 1939 г. за подписью Вальтера Кривицкого в журнале «Сэтердей ивинг пост», в частности, сообщалось: «На самом деле перед военным трибуналом не предстал ни один человек из группы Тухачевского. Не существовало даже подобия обвинения, выдвигаемого против этих жертв. Восемь генералов не были даже казнены вместе. Заключенные расстреляны по отдельности в разные дни» (см.: *Кривицкий В. Я был агентом Сталина. М.: Терра, 1991, см. также: http://www.scepsis.ru/library/id_623.html*).

⁴ «Справка Комиссии Президиума ЦК КПСС «О проверке обвинений, предъявленных в 1937 году судебными и партийными органами тт. Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и другим военным деятелям, в измене родины, терроре и военном заговоре» // Реабилитация: Как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3 т. Т. 2. Февраль 1956 – начало 80-х. М.: МФД, 2003. С. 810–851 (далее – РКЭБ-2). Письмо Буденного цитируется на с. 671–788. См. также: Военные архивы России. № 1. С. 55–56; Военно-исторический архив. № 1 (1997). С. 199–200. В дальнейшем ссылки на «справку Шверника» приводятся по РКЭБ-2.

⁵ Общее описание «архива Волкогонова» см.: <http://www.loc.gov/rr/mss/text/volkogon.html>. Об архиве и подлинности хранящихся там фотокопий см.: *Ферр Г., Бобров В. Первые признания Н.И. Бухарина на Лубянке // Клио. 2007. № 1; Мурин Ю. Двадцать центов за гостайну // Совершенно секретно. 2008. № 1 (224). Вкратце о карьере Волкогонова, его взаимоотношениях с политическими деятелями и доступе в архивы см.: Amy Knight. US POWs and Russian Archives // Perspective. 1998. Vol. IX, No. 3 (January – February), см.: <http://www.bu.edu/iscip/vol9/Knight.html>.*

⁶ Так в тексте. Правильно: Имянинников.

⁷ См.: «Конспект доклада Н.И. Ежова на июньском (1937) Пленуме ЦК ВКП(б) // Петров Н.В., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. М.: РОССПЭН, 2008. С. 293–312; «военно-фашистский заговор» и «кремлевская право-фашистская группа заговорщиков во главе с Енукидзе» названы на с. 293.

⁸ См., напр.: Судебный отчет [по делу антисоветского правотроцкистского блока]. М.: Международная семья, 1997. С. 158–160, 174–175, 342 и др.

⁹ С легкой руки П.А. Судоплатова популярность обрела версия, что «заговор Тухачевского» действительно существовал, но был направлен не против Сталина, а против Ворошилова» (*Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М.: Гей, 1996. С. 103–105*). Из представленных в письме Буденного показаний подсудимых об их связи с Германией, Японией и Троцким следует, что заговорщики замыслили смещение не одного Ворошилова, а готовили государственный переворот, направленный против сталинского руководства в целом.

¹⁰ Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. М.: МФД, 2003. С. 483 (далее – Лубянка-1).

¹¹ Там же. С. 485.

¹² См.: Военно-исторический журнал. 1988. № 10. С. 53.

¹³ Из подробного и тщательно документированного исследования существования самого «кремлевского заговора», нацеленного против Сталина и его соратников, следует, по-видимому, считать установленным, см.: *Жуков Ю.Н. Тайны «Кремлевского дела» 1935 года и судьба Авеля Енукидзе // Вопросы истории. 2000. № 9. С. 83–113; Он же. Иной Сталин. С. 133–184.*

¹⁴ Показания Тухачевского, см.: Показания Тухачевского М.Н. от 1 июня 1937 года // Молодая гвардия. 1994. № 10. С. 258; показания Якира, см.: *Бондаренко А. «Очистить армию до последних щелочек!» // Красная звезда. 2002. 15 июня; показания Уборевича, см.: Черушев Н. «Невиновных не бывает...» Чекисты против военных. 1918–1953. М.: Вече. С. 272; показания Фельдмана, см.: Там же. С. 259; показания Корка, см.: Там же. С. 260–261).*

¹⁵ См.: Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов / Под ред. А.Н. Яковлева. М.: Политиздат, 1991. С. 305–310 (далее – Реабилитация).

¹⁶ Там же. С. 307.

¹⁷ На состоявшемся 1–4 июня 1937 г. заседании Военного совета при наркомате обороны выступающие подтвердили справедливость этих обвинений (Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1–4 июня 1937 года. М.: РОССПЭН, 2008. С. 102–103, 119, 177–178, 189, 203, 229, 243–244, 294 и др.).

¹⁸ Реальность существования такого блока доказывается документами, найденными в архиве Троцкого в Хоутонской библиотеке Гарвардского университета (США), см.: *Гетти Дж. А.* Троцкий в изгнании: основание IV Интернационала // Вопросы истории КПСС. 1991. № 5. С. 76–77; *Pierre Broué.* Trotsky et le bloc des oppositions de 1932 // Cahiers Léon Trotsky 5 (1980–1981). P. 5–37.

¹⁹ УВО – Украинский военный округ; существовал до 1935 г., после чего был разделен на Харьковский и Киевский военные округа.

²⁰ Как свидетельствуют показания подсудимых на процессе правотроцкистского блока, Троцкий и его сын Лев Седов, а также «правые» в лице Рыкова, Томского и Бухарина высказывали опасение, что в случае осуществления пораженческого плана Тухачевского последний не станет делиться властью ни с кем из них (Судебный отчет. С. 168–169, 217).

²¹ В советских документах второй половины 1930-х гг. генерал Г. фон Рунштедт часто именуется Румштедтом, а вермахт (название германской армии после 1935 г.) – рейхсвером. Указывая здесь на эти несоответствия, мы в дальнейшем оставляем их без исправления.

²² Заявления подсудимых по «делу военных» о сотрудничестве с германскими военными кругами хорошо согласуются между собой и по содержанию очень близки к первым признательным показаниям Бухарина на Лубянке от 2 июня 1937 г. и к его же показаниям на процессе по делу правотроцкистского блока (март 1938 г.). Среди лиц, с кем заговорщики установили связь, Якир назвал Рунштедта и Кёстринга, на того же Рунштедта указывал Тухачевский, а Кёстринг фигурирует в показаниях нескольких других осужденных командиров.

²³ Выступая 9 июня 1937 г. на активе НКО, Ворошилов зачитал показания Путны, где, в частности, говорилось: «Милых прямо говорит: “Если можно взять Ленинград, Ленинградскую область, можно рассчитывать на серьезную помощь с нашей стороны и, главным образом, на помощь авиации, под видом авиации, которая от законного правительства ушла к нам. Мы вам дадим нашу авиацию в значительном количестве с нашим личным составом”» (Военный совет... С. 384–385).

²⁴ Н.С. Черушев с удивлением констатирует, что оперативный план, признанный в 1937 г. вредительским и пораженческим, продолжал почти без изменений оставаться в силе до 1940-го или даже 1941 г. «Почему это произошло? – интересуется исследователь. – Здесь одно из двух: или руководители партии и военного ведомства не поверили словам Тухачевского о его вредительстве в области оперативного планирования... Или же <...> надо говорить о наличии других заговорщиков – преемниках Тухачевского в высшем эшелоне армии». (Черушев. «Невиновных не бывает...». С. 255).

Черушеву и невдомек, что в конце концов руководители партии и Красной армии больше поверили не Буденному, а показаниям Тухачевского и других подсудимых, что те «пораженческого плана германскому Генштабу не успели передать». Поэтому вторая альтернатива, названная Черушевым, гораздо ближе к истине; именно ею, по-видимому, следует объяснять то, «что вышло из этого плана... [в 1941 году] – вместо Варшавы советские войска оказались с точностью до наоборот, – под Москвой» (Там же. С. 256).

²⁵ Известно, по меньшей мере, еще о двух попытках возможного возвращения Троцкого в СССР. Одна из них планировалась на 1933 г. (*Гетти Дж. А.* Указ. соч. С. 73), вторая предположительно должна была состояться в 1939-м или 1940 г. (*Вишнев О. В.* Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. М.: Наука, 2001. С. 132–133, см.: <http://militera.lib.ru/research/vishnev/05.html>).

²⁶ Сд – стрелковая дивизия.

²⁷ Мк – механизированный корпус.

²⁸ *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА 1937–1938. М.: Терра, 1998. С. 93.

²⁹ См. написанное на имя К.Е. Ворошилова донесение И.П. Белова о впечатлениях о процессе в: Репрессии в Красной Армии (30-е годы). Сборник документов из фондов Российского государственного военного архива. Неаполь. С. 196.

³⁰ См. компакт-диск: Жертвы политического террора в СССР. На 2-х дисках. Диск 2. База данных о жертвах политического террора в СССР. М.: Звенья, 2004. Сведения доступны в Интернете на сайте Международного общества «Мемориал»: <http://stalin.memo.ru/names/p145.htm>.

³¹ Из восьмерых осужденных, по-видимому, только Путна заявил, что к участию в заговоре его подтолкнула вера в Троцкого и его идеи. В свою очередь Троцкий, находясь в на о. Принкипо (Турция) среди тех, с кем бы он желал наладить прямые связи, назвал именно Путну (см.: показания Я.Г. Блюмкина в: Лубянка. С. 201).

³² Реабилитация. С. 307.

³³ Репрессии в Красной армии. С. 196.

³⁴ Там же.

³⁵ Известно всего два фрагмента показаний Я.Л. Карпейского, и оба опубликованы в реабилитационных справках: в «Определении» Военной коллегии (Реабилитация. С. 308–309) и в «справке Шверника» (РКЭБ-2. С. 683).

³⁶ О своем состоянии в период заключения Бухарин упоминает в письме Сталину от 10 декабря 1937 г., см.: «Прости меня, Коба...» Неизвестное письмо Н. Бухарина // Источник. 1993. № 0. С. 22. Подробнее об отсутствии доказательств применения насильственного принуждения Бухарина к показаниям разобрано в: *Ферр Г., Бобров В.* 1937. Правосудие Сталина. Обжалованию не подлежит! М.: Яуза, 2010. С. 118–124, 286–291.

³⁷ *Robert Thurston.* Life and Terror in Stalin's Russia, 1934–1941. (New Haven: Yale University Press, 1996). P. 83. Тэрстон ссылается на рассказ бежавшего на Запад некоего безымянного бывшего сотрудника спецслужб, хранящийся в коллекции Б. Николаевского. По словам Дж.А. Гетти, вся коллекция представляет собой собрание противоречивых и ни на чем не основанных слухов, имевших хождение в Европе в 1930-х годах (*Getty J. Arch.* The Origins of the “Great Purges”: Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938. (N.Y.: Cambridge University Press, 1986). P. 215).

³⁸ Корреспондент редакции был приглашен в здание архива на Старой площади, где ему предоставили для знакомства не подлинники, а микрофильмированные копии документов, относящиеся преимущественно к периоду реабилитации 1950–1960 гг. Личное сообщение Бондаренко Боброву (2002).

³⁹ В подлиннике письма написано «в конце-концов» (через дефис), а в «Красной звезде» дефис опущен, хотя это та же самая фраза.

⁴⁰ См. ссылку 17.

⁴¹ Правда. 1988. 29 апр. Та же статья была перепечатана, но теперь с материалами, оспаривающими невиновность Тухачевского, в сборнике «Кровавый маршал» (1997), который в 2007 г. был переиздан под заглавием «Очищение армии».

⁴² Без грифа «секретно». С. 233. Ср.: Кровавый маршал. С. 17–18.

⁴³ *Кантор Ю. З.* Война и мир Михаила Тухачевского. М.: ИД «Огонек»; «Время», 2005. С. 415.

⁴⁴ *Петров Н. В.* Десятилетие архивных реформ в России // Индекс /Досье на цензуру. 2001. № 14, см.: <http://index.org.ru/journal/14/retrov1401.html>.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ «Последний полковник империи». Интервью «Элементов» с народным депутатом СССР Виктором Алкснисом // Элементы. 1993. № 3.

⁴⁷ См.: Правда. 1988. 29 апреля. Кровавый маршал. С. 16.

⁴⁸ *Алкснис В. И.* Я не согласен! // Русский обозреватель. 2009, 31 окт. см.: <http://www.rus-obr.ru/opinions/4577>.

⁴⁹ *Черушев Н. С.* 1937 год. Элита Красной Армии на голгофе. М.: Вече, 2003. С. 96. В другой из книг Черушев отмечает, что «Белов И.П. осужден, показания подтвердил» (Он же. «Невиновных не бывает...». С. 405).

⁵⁰ Черушев. 1937 год. С. 92–93.

⁵¹ Элементы. 1993. № 3.

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА тов. К.Е. ВОРОШИЛОВУ*

Хочу изложить Вам свои впечатления по прошедшему 11.6.37 процессу контрреволюционной военной фашистской организации на заседании специального присутствия Верховного суда Союза ССР по обвинению в измене Родине, шпионаже, вредительстве и диверсионной деятельности Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Эйдемана, Фельдмана, Примакова, Путна.

При открытии заседания суда подсудимым было зачитано обвинительное заключение, которое произвело на них исключительно сильное, подавляющее впечатление. Особенно растерялись Эйдеман и Фельдман, хотя и все подсудимые с точки зрения мужества производили весьма жалкое впечатление. Внешне они выглядели жалкими ничтожными слюнтяями.

Допрос начался в следующем порядке: Якир, Тухачевский, Уборевич, Корк, Эйдеман, Путна, Примаков, Фельдман. В таком же порядке им было предоставлено последнее заключительное слово.

В своем выступлении на заседании суда Якир остановился на сущности заговора, перед которым стояли задачи реставрации капитализма в нашей стране на основе фашистской диктатуры. К этому они должны были прийти двумя путями: во-первых, свержением существующей власти внутренними силами, при помощи вооруженного переворота и, во-вторых, если первое не будет осуществлено, то при помощи военного поражения, с участием интервентов в лице германского фашизма, японского империализма и Польши. При последнем варианте в виде компенсации интервентам им отдавалась часть территории нашего государства: Украина – Германии, Дальний Восток – Японии.

Для поражения советских армий у заговорщиков была договоренность с германским Генштабом в лице генерала Румштедт и генерала Кестринга, и специально составлялся план поражения РККА во время войны.

Как в первом, так и во втором случаях средства для свержения Советского правительства и руководства партии применялись все без исключения. Ничем не брезговали: террор, шпионаж, диверсия, вредительство, провокация, компрометация руководителей партии, правительства, армии и советской власти.

По словам Якира, у них было решено, что для данного дела все средства хороши.

Возникновение заговора относится, по сути дела, к 1934 году, а до этого, начиная с 1925 года, по выражению Якира, происходила «беспринципная групповщина». Другими словами, шли разговоры о неудовлетворительном руководстве армией, неправильном отношении со стороны руководства партии и правительства к «известным» «большим» людям зиновьевско-троцкистской и правой оппозиции. Также были подвергнуты резкой критике мероприятия партии и правительства при коллективизации 1930–31 годов.

В 1934 году от этих «беспринципных разговоров» перешли к объединению единомышленников, и в своем кабинете Тухачевский заявил, что от слов пора переходить к делу, и тогда же было решено, что деловыми вопросами должны стоять вербовка единомышленников в РККА. Для этого наиболее подходящими в армии были троцкисты, зиновьевцы и правые. Было решено этих людей всячески популяризировать в общественно-армейском мнении и продвигать по службе на ответственные посты по строевой, политической и хозяйственной линии, а также по вооружению и организационно-мобилизационной работе.

Как на политическую фигуру заговорщики ориентировались на Троцкого и его блок, в который входили троцкисты, зиновьевцы, правые, националисты, меньшевики, эсеры и т.д.

Считалось, что для выполнения всех этих задач должна быть прежде всего строжайшая армейская конспирация. Для этой цели применялась тактика двурушничества в партии и очковитательство в работе.

К концу Якир заявил, что в нем сочетались два Якира. Один, дескать, советский, а другой – враг народа, шпион, предатель, диверсант, террорист – все, что хотите.

В последующих выступлениях подсудимых, по сути дела, все они держались в этих же рамках выступления Якира.

Тухачевский в своем выступлении вначале пытался опровергнуть свои показания, которые он давал на предварительном следствии. Тухачевский начал с того, что Красная Армия до фашистского переворота Гитлера в Германии готовилась против поляков и была способна разгромить польское государство. Однако при приходе Гитлера к власти в Германии, который сблизился с поляками и развернул из 32 германских дивизий 108 дивизий, Красная Армия по сравнению с германской и польской армиями по своей численности была на 60–62 дивизии меньше. Этот явный перевес в вооруженных силах вероятных противников СССР повлиял-де на него, Тухачевского, и в связи с этим он видел неизбежное поражение СССР, и что это и явилось основной причиной стать на сторону контрреволюционного военно-фашистского заговора.

Тухачевский пытался популяризировать перед присутствующей аудиторией на суде как бы свои деловые соображения в том отношении, что он все предвидел, пытался доказывать правительству, что создавшееся положение влечет страну к поражению и что его якобы никто не слушал. Но тов. Ульрих, по совету некоторых членов специального присутствия, оборвал Тухачевского и задал вопрос: как же Тухачевский увязывает эту мотивировку с тем, что он показал на предварительном следствии, а именно, что он был связан с германским Генеральным штабом и работал в качестве агента германской разведки еще с 1925 года. Тогда Тухачевский заявил, что его, конечно, могут считать и шпионом, но что он фактически никаких сведений германской разведке не давал кроме разговоров на словах, хотя тут же признает, что это тоже шпионаж.

После этого тов. Ульрих ему зачитал его же показания, где Тухачевским было написано, что он лично передал письменный материал агенту германского Генштаба по организации, дислокации и группировке мотомехчастей и конницы БВО и УВО и что по его же, Тухачевскому, заданию Аппога передал германскому агенту график с пропускной способностью военных сообщений, а Саблин, по его же заданию, передал схему северной части Летичевского укрепленного района.

После вышеказанного Тухачевский показал то, о чем уже говорил Якир, с разницей в некоторых вариациях.

Уборевич в своем выступлении держался той же схемы выступления, что и Якир. Ничего нового не добавил, но пытался отрицать свое участие в заговоре до 1934 года и что до 1934 г. он-де, Уборевич, работал честно. Между тем при заданном вопросе Тухачевскому, как их заговорщический центр оформился и кто входил в этот центр, Тухачевский ответил, что специальной конституции о центре заговорщиков писано не было, но активными участниками центра были: Тухачевский, Гамарник, Якир, Уборевич, Корк, Фельдман, Примаков, т.е. что это был сговор.

* За исключением фрагментов, помеченных ссылками и сохранивших стилистику автора, текст документа публикуется с учетом современных правил пунктуации и орфографии.

Заговорщическая деятельность между Тухачевским и Гамарником была распределена следующим образом: Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк работали по Западу, а Гамарник – по Востоку. Якир заявил, что он был особо близко связан с Гамарником обоюдной информацией и что Якир информировал Гамарника о своей деятельности в УВО, а Гамарник информировал Якира по Дальнему Востоку. Якир показал, что он не помнит случая, чтобы Гамарник обсуждал вопросы совместно с Тухачевским, Уборевичем, Якиром и Корком. Это подтвердил и Уборевич, добавив, что он, Уборевич, с Гамарником по заговорщическим вопросам вообще не разговаривал, но знал, что он является членом центра.

Корк в своем выступлении показал, что он являлся участником заговора и членом центра с 1931 года. В связи с этим Корк высказал свое недоумение в том отношении, что Тухачевский, Якир и Уборевич знали о кремлевском заговоре с 1931 года, которым руководил Енукидзе, и даже знали все детали плана этого заговора, но почему-то на суде об этом не говорили, считая себя заговорщиками только с 1934 года.

Корк показал, что о кремлевском заговоре он, Корк, докладывал Тухачевскому в 1931 году в присутствии Якира и Уборевича, и отсюда Корк делает вывод, что Тухачевский, Уборевич и Якир официально вступили в заговор в 1931 году, а не в 1934[-м]. «Неужели же они, – говорит Корк, – слушая мой доклад о кремлевском заговоре, еще не были членами и соучастниками заговора? Все это они скрывают от суда, скрыли и от следствия».

Дальше Корк показал, как должен был развернуться заговор в самом Кремле, в который были вовлечены: он, Корк, Горбачев, Егоров, бывший начальник школы им. ВЦИК, и Именинников, помполит школы ВЦИК.

В остальном Корк говорил то же, что уже показывал на предварительном следствии. Но особенно Корк подчеркнул вопрос о пораженческом плане в отношении Красных Армий во время войны, и в связи с этим планом он остановился на последних военных играх, проводимых Генштабом РККА, где считалось, что Латвия, Литва и Эстония будут нейтральными государствами во время войны, тогда как на самом деле немцы должны были организовать группировку своих сил с таким расчетом, чтобы ударить в правый фланг красным армиям именно через нейтральные государства.

На мой вопрос, почему же Корк считает, что немцы должны наносить главный удар с территории нейтральных государств, откуда ему это известно, и знал ли Корк о том, что такой сговор нейтральных государств с немцами имеет уже теперь, или же он сам предполагает, что немцы не будут считаться с нейтралитетом этих государств, Корк ответил, что это ему известно со слов Тухачевского и других источников он не знает. Однако он, Корк, считает, что этот вариант является явно вредительским и пораженческим именно потому, что Генштаб РККА в своих планах исходил из того, что нейтралитет упомянутых государств немцами нарушен не будет. На военной игре Тухачевский играл за «синюю» сторону и умышленно держался указанного взгляда Генштаба РККА, т.е. что нейтралитет этих государств Германией нарушен не будет, и поэтому Тухачевский направлял главный удар германских армий несколько южнее, чтобы не создать впечатление, что Германия будет бить со стороны нейтральных государств.

Несмотря на то что этот исключительно актуальный вопрос все же не был уточнен дополнительными показаниями Тухачевского, тем не менее члены суда считали, что по этому вопросу Тухачевского спрашивать не следует. Я же лично полагаю, что этот вопрос весьма интересный с той точки зрения, что, видимо, Тухачевскому было известно оговоре Германии по этому вопросу с так называемыми нейтральными в период войны Прибалтийскими государствами.

После этой игры, показывает Корк, заговорщики считали, что они добились самого главного во вредительстве, преследующего целью поражение Красной Армии.

Далее Корк показал, что он, будучи командующим войсками Московского военного округа, проводил при помощи Енукидзе, Ягоды, Горбачева, Векличева, Аронштама, Германовича, Егорова и Именинникова подбор командного и начальствующего состава с тем, чтобы московский гарнизон, помимо заговора в Кремле, был бы способен совершить вооруженный переворот. Для этой цели Тухачевский, Гамарник, Уборевич, Якир и он, Корк, подбирали специальные кадры. Они стремились назначать своих людей на должности командиров войсковых частей и соединений, начальников складов, строительства, работников по вооружению, мобилизационной работе, боевой подготовке и т.д. Между прочим Корк заявил, что ряд вопросов, которые ему стали известны только на самом суде, раньше для него не были известны. Видимо, предполагает Корк, руководители заговора, в лице Тухачевского, от него многое скрыли, как, например, работу Гамарника по Востоку и связь с Троцким, Бухариным и Рыковым. Однако Корк показал, что ему все же было известно, что руководители военно-фашистской контрреволюционной организации смотрят на связь с Троцким и правыми как на временное явление. Об этом Тухачевский говорил Корку в том смысле, что троцкисты, правые и т.д. только попутчики до поры до времени, а когда будет совершен вооруженный переворот, то он, Тухачевский, будет в роли Бонапарта. И 29 ноября 1934 года, как показывает Корк, Тухачевский у него на квартире об этом заявил совершенно определенно при всех присутствовавших там.

Эйдемман на суде ничего не мог сказать, а просто поднялся и сказал, что он, Эйдемман, ничего больше, кроме того, что он показал на предварительном следствии, показать не может и признает себя виновным.

Путна – этот патентованный шпик, убежденный троцкист современного типа троцкизма, действующего под знаменем фашизма, показал, что, состоя в этой организации, он всегда держался принципов честно работать на заговорщиков и в то же самое время сам якобы не верил в правильность своих действий. На вопрос тов. Дыбенко об издевательствах над т. Беловым в Берлине, Путна ответил, что это только один небольшой эпизод из совершенных им более важных и серьезных преступлений.

Примаков держался на суде с точки зрения мужества, пожалуй, лучше всех. Но в своем выступлении ничего кроме того, что он показал на предварительном следствии, не добавил. Примаков очень упорно отрицал то обстоятельство, что он руководил террористической группой против тов. Ворошилова в лице Шмидта, Кузьмичева и других, а также и то, что он якобы до ареста руководил ленинградской террористической группой в лице Бакши – бывшего начальника штаба мехкорпуса и Зюка. Отрицал он это на том основании, что якобы ему, Примакову, Троцким была поставлена более серьезная задача – поднять в Ленинграде вооруженное восстание, для чего он, Примаков, должен был строго законспирироваться от всех террористических групп, порвать свои связи со всеми троцкистами и правыми и тем самым завоевать авторитет и абсолютное доверие со стороны партии и армейского командования.

Примаков, однако, не отрицал, что он раньше руководил террористической группой и для этого просил Шмидта на должность командира мехкорпуса.

В связи с этим специальным заданием Троцкого Примаков обрабатывал 25-ю кавдивизию во главе с командиром дивизии Зыбиным. По его словам, Зыбин должен был встретить на границе Троцкого при овладении повстанцами Ленинградом. Для этой же цели подготавливали одну сд и мк. Какую именно сд – я не помню, но по его выступлению можно установить.

Фельдман показал то же самое, что и Корк, в том смысле, что Фельдману тоже не все было известно о планах заговорщиков, и он узнал много нового из обвинительного заключения и в процессе суда. Тем не менее Фельдман

признал себя активным членом центра с 1934 года, но подчеркнул, что обработка его Тухачевский началась уже с тех пор, когда он служил в Ленинградском военном округе, которым командовал Тухачевский.

Фельдман признает, что именно в этот период он сблизился с Тухачевским, и когда Тухачевский, будучи уже зам. наркома, поставил перед Фельдманом вопрос о существовании заговора, Фельдман заколебался: взять ли Тухачевского за шиворот и выдать или присоединиться к заговорщикам. Сделал последнее.

Далее Фельдман показал, что по заданию Тухачевского и Гамарника он подбирал сторонников организации на соответствующие должности. Причем, когда он однажды доложил Тухачевскому о результатах своей работы, Тухачевский был очень недоволен ею, так как Фельдман еще не завербовал никого из более [или] менее известных фигур. И поэтому, когда Фельдман лично завербовал Аппогу, Ольшанского, Вольпе и других, то этим Тухачевский остался доволен.

Фельдман признает, что многих из намеченных организацией кандидатов на ответственные должности назначить не удалось, потому что народный комиссар обороны часто не соглашался с его, Фельдмана, предложениями, хотя эти предложения и проходили с большим нажимом на наркома со стороны Якира, Уборевича, Гамарника и Фельдмана.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА ПОДСУДИМЫХ.

Якир:

Якир говорил 5–7 минут. Заявил, что он был честным бойцом до 1934 года, после чего изменил и стал врагом революции, партии, своего народа и Красной Армии, но в нем все время сидели два человека: один Якир – красноармейский, другой Якир – враг. Вместе с тем Якир считает, что эти два человека – один враг, а другой советский – довлекли на него включительно до того времени, пока он не попал в стены НКВД, а когда он, Якир, будучи арестованным, сказал всю правду следствию, говорит всю правду суду и всем присутствующим на суде, что он, Якир, разоружился как контрреволюционер и стал настоящим гражданином Союза, что он «любит» армию, «любит» советскую страну, «свой» народ и снова готов работать «по-честному», как «большевик», что он «предан» без остатка тов. Ворошилову, партии и тов. Сталину, – поэтому просит смотреть на него теперь так, каким он был прежде.

Что касается его вредительства в РККА, то он показал то же, что и на предварительном следствии.

Тухачевский:

Тухачевский не добавил ничего, кроме того, что показал на предварительном следствии, но в то же время пытался очень туманно сказать, что в нем также сидели два человека: один – советский, а другой – враг, и что он также просит суд учесть, что он до 1934 года работал как «честный большевик и боец».

Тухачевский с самого начала процесса суда при чтении обвинительного заключения и при показании всех других подсудимых качал головой, подчеркивая тем самым, дескать, и суд, и следствие, и все, что записано в обвинительном заключении, – все это не совсем правда, не соответствует действительности. Иными словами, становился в позу непонятого и незаслуженно обиженного человека, хотя внешне производил впечатление человека очень растерянного и испуганного. Видимо, он не ожидал столь быстрого разоблачения организации, изъятия ее, такого быстрого следствия и суда.

В конце концов Тухачевский виновным себя признал.

Уборевич:

Уборевич в своем заключительном слове выступил по-военному кратко.

Суть его речи заключалась в том, что он сказал: «Я прошу, граждане судьи, учесть, что я честно работал до 1934 года, и мое вредительство на авиационные части и на выбор укрепленных районов с точки зрения их тактической полезности не распространялось, потому что укрепленные районы выбирались тогда, когда я не был еще вредителем и врагом. В последующем я вредил тем, что их не вооружил по-настоящему, и некоторые амбразуры на точках укрепленных районов были направлены не в сторону противника, а в сторону, невыгодную для обороняющегося, т.е. преследовал цель поражения укрепленных районов».

Что касается плана поражений, то Уборевич предлагал построить эшелоны вторжения таким образом, что они должны были в первые дни войны погибнуть, особенно конница.

Дальше Уборевич сказал: «Я, Уборевич, совершил перед партией и советским народом ничем не искупаемое преступление. Если бы было у меня тысячу жизней, то и они не смогли бы искупить преступления. Я изменил, как солдат, присяге. Меня за это должны наказать со всей строгостью советских законов. Но я также прошу учесть, что я раскаялся в стенах НКВД, когда показал честно и до конца все свои преступления».

Корк:

Корк в своем заключительном слове сказал:

«Я совершил преступление перед правительством и народом, перед Советской страной. До 1931 года я был честным бойцом и командиром, а потом сделался врагом, шпионом, агентом, диверсантом, предателем...» Когда Корк произносил эти слова, в его голосе слышался плач, он прослезился, после чего сделал полуминутную паузу и продолжал: «Прошу суд учесть, что я был честным бойцом до 1931 года и теперь разоружился, и считаю себя советским гражданином, и умираю как советский гражданин. Пусть об этом знает наша партия, Советская власть и народ. Я совершил такое преступление, которое одной жизнью искупить нельзя. Пусть на моем примере учатся другие. Пусть знают, что Советской власти изменять нельзя. Мы видим, как развивается в нашей стране социализм. Во время коллективизации сельского хозяйства я колебнулся и попал в лагерь фашизма.

Надеюсь, что Советская власть на основе сталинской Конституции, где сказано в одной из статей, что советский народ великодушен и что он даже врагов может помиловать, – учтет это».

Эйдеман:

Эйдеман для произнесения заключительного слова еле поднялся на ноги, уперся обеими руками на впереди стоящие перила и начал свою речь с того, что он-де, Эйдеман, случайно попал в эту организацию, будучи обижен при присвоении военных званий, будучи недоволен руководством армией, а также политикой партии в деревне при коллективизации, что он, Эйдеман, невольно примкнул к этой контрреволюционной организации и совершал по ее заданию (и прежде всего по заданиям Тухачевского и Гамарника) невероятные преступления.

Он говорил: «Я, Эйдеман, упал в такую пропасть, у которой нет дна. Я давал задания людям, которые мною были завербованы, и они перечислены мною в материалах предварительного следствия, – я давал задание взорвать Донской мост. Это задание я давал через Иванова; задание взорвать мост через Волгу я давал через председателя горьковского краевого Осоавиахима. Взрывы мостов должны были быть выполнены во время войны. Эти задания я получал непосредственно от Тухачевского. Я насаждал контрреволюционные повстанческие организации среди донских и кубанских казаков по заданиям Тухачевского и Гамарника. Кто именно готовил эти восстания, об этом знает зам.председателя Осоавиахима в Ростове и зам.председателя ОСО в Горьковском крае.

Во мне, Эйдемане, было также два человека. Нелегко было давать эти задания, когда я видел развитие победоносного шествия социализма. Я много раз думал: кто я – больше советский человек или враг? И тогда на меня давила наша контрреволюционная организация, и я выполнил ее задания. В то же время, когда я давал задания, я чуть не плакал. Я понимал, что я враг народа, народа, который меня любит и доверяет.

Я прошу суд учесть, что я был преданным бойцом до 1934 года, потом стал врагом. Думаю, что моя контрреволюционная работа все же меньше имеет результатов, чем работа советская. Я прошу суд это учесть».

Путна:

Путна в своем заключительном слове сказал: «Конечно, никакой пощады от суда я не прошу, но прошу суд учесть, что я – командир РККА, во время революции дрался за нее. Тем не менее, после Гражданской войны я стал крепким сторонником Троцкого. Я считал: то, что говорит Троцкий – это все правда. Разумеется, я не вникал в большевистскую сущность революции, хотя органически чувствовал, что я с большевиками, но тем не менее оставался троцкистом. Я никогда не задумывался о том, куда меня приведет моя троцкистская позиция. Я должен честно сознаться перед судом, что, так же как и у других подсудимых, у меня теперь создалась определенная вера в «наше» великое большевистское государство. Я чистосердечно раскаялся в стенах НКВД и стал честным советским гражданином. Во мне тоже сидели два человека: один – красноармеец, другой – предатель, преступник, – что хотите. Я нарушил нашу красноармейскую присягу, а в ней говорится, что «тот, кто изменил Советской власти, правительству и Красной Армии, карается беспощадной революционной рукой». Поэтому я не прошу никакой пощады, но надеюсь, что граждане судьи учтут мое честное пребывание командиром в РККА ранее и сделают отсюда соответствующие выводы».

Примаков:

Примаков в своем заключительном слове выступил с такой речью:

«Я, Примаков, хочу, чтобы суд и судья знали, с кем они имеют дело. Нам, восьмерке подсудимых, я хочу дать анализ: во-первых, подсудимым; во-вторых, нашей контрреволюционной фашистской организации; в-третьих, под чьим знаменем мы шли.

Кто такие подсудимые по социальному положению?

Эти люди в социальном отношении представляют из себя сброд. Кто такой Тухачевский? Этот тип принадлежит к обломкам контрреволюционных офицерских заговоров против Советов. Его родина – фашистская Германия.

Корк, Уборевич, Эйдеман и Путна имеют свою родину в своих странах. Там у них и семьи и родные. Это и есть их родина.

Якир – этот купец 2-й гильдии в Румынии, там имеет семью. Там у него и родина.

Фельдман – американский купец. Родина, семья и родня у него в Америке. Там у него и родина.

А я, Примаков, являюсь охвостьем так называемой мелкой буржуазии с троцкистскими настроениями, прошедший школу троцкизма от начала до конца в течение 18 лет. В этой школе сосредоточились отбросы человеческого общества. Самым злым и зядлым врагом являлась и является троцкистская оппозиция и люди, в ней участвующие.

Скажите же, граждане судьи, где у них и у меня родина? Советский Союз для них временное пристанище. Родина подсудимых там, где живут их семьи, с кем они связаны. Там их родина, а не в СССР.

Я не желаю никому на свете попасть в эту фашистско-троцкистскую яму.

Я должен сказать честно и открыто перед судом, что мы нарушили красноармейскую присягу и нас всех надо расстрелять и уничтожить как гадов, преступников и изменников советскому народу. Мы все знаем, что советский народ и его партия, большевики, ведут страну к счастью – к коммунизму.

Я, так же как и другие, был человеком двух лиц.

Я должен также передать суду свое мнение о социальном лице контрреволюционной организации, участником которой я являлся. Что это за люди? Я знаю половину людей этой организации как самого себя – это человек 400. Вторую половину я тоже знаю, но несколько хуже. А всех 800–1000 человек в нашей армии и вне ее.

Если дать социальную характеристику этим людям, то, как ни странно, я пытался вербовать людей из рабочих, но из этого ничего не получилось. В нашей организации нет не одного настоящего рабочего. Это суду важно знать. А отсюда я делаю вывод, что мы, заговорщики, вообразили, что можем руководить великой страной, советским народом и что для этого нужно полдюжины или дюжина Наполеонов. Мы были Наполеонами без армии. Мы работали на фашистскую Германию. Но совершенно ясно, что из этой полдюжины Наполеонов остался бы один Наполеон и именно тот, который беспрекословно выполнял бы волю Гитлера и фашистской Германии».

Фельдман:

Фельдман в своем заключительном слове остановился на том, что их центр сложился не в 1934 году, а в 1931 году, и больше того, что он показал на предварительном следствии, показать не может.

Тем не менее Фельдман пытался объяснить, как он запутался в этом деле, и указал, что его предварительно обрабатывал Тухачевский еще будучи в Ленинградском военном округе, а потом он стал на контрреволюционную позицию и выполнял задания Тухачевского.

Относительно своей родины Фельдман сказал, что он до Советской власти не имел никакой родины и был гоним как еврей. В старой армии он служил ефрейтором, а в Красной Армии дослужился до комкора, что соответствует чину генерала-лейтенанта. И все же это не помешало ему стать контрреволюционером. Будучи самым близким человеком к наркому обороны, облеченный властью и доверием, он врал и обманывал наркома обороны как враг.

Далее Фельдман говорил, что он работал как честный красноармеец до оформления себя как контрреволюционера, и просит суд при всех присутствующих на суде снисхождения к себе, что он якобы запутался и попал в это дело совершенно незаметно. Вместо того чтобы взять за шиворот Тухачевского и привести его к наркому, он был малодушен.

Фельдман просит суд простить его, обещает честно работать, что он в стенах НКВД разоблачился, снял с себя всю грязь и хочет на деле смыть это своею кровью, быть до конца преданным партии и Советской власти.

Вывод:

1. Тухачевский, Гамарник, Корк, Якир, Уборевич, Примаков, Путна, Фельдман и Эйдеман – это патентованные шпионы, и не с 1934 года, а с 1931 года, а некоторые и раньше затесались к нам с самого начала революции. А для того чтобы скрыть свою шпионскую и контрреволюционную деятельность до 1934 года, подсудимые, разоблаченные в этом Корком, пытались выставить Корка как вруна и путаника.

2. Участие Гамарника в заговоре все подсудимые, безусловно, пытались скрыть, по-видимому, из тех соображений, что Гамарник, представляя из себя политическую фигуру, вербовал политсостав в армию и, видимо, был связан не только с верхушкой правых, троцкистов и зиновьевцев, известных нам, но и с рядом других ответственных гражданских работников.

3. Из показаний подсудимых Тухачевского, Корка, Якира и Уборевича видно, что план поражения красных армий во время войны они решили разработать по своей инициативе и только после этого согласовать его с германским Генеральным штабом.

В связи с этим во время оперативных игр, проводимых Генштабом РККА, они делали для своего пораженческого плана соответствующие наметки, но ввиду своего ареста они его недоработали и якобы не успели передать германскому Генштабу.

От генерала Румштедта Тухачевский получил указание, чтобы в пораженческом плане были предусмотрены вероятные направления главных ударов германских армий: одно на Украине – Львов, Киев и второе – захват повстанцами Ленинграда, что было бы наиболее выгодно Германии, так как последняя может оказать помощь повстанцам своей довольно значительной авиацией, причем эта авиация должна была рекламироваться как авиация, перешедшая со стороны красных войск к повстанцам.

Кроме помощи авиацией предполагалась помощь Германии в вооружении и всем необходимым для успешного развития операции по захвату Ленинграда.

Подсудимые хотя и заявили о том, что они поражен[чес]кого плана германскому Генштабу не успели передать, я же считаю, что план поражения красных армий, может быть, не столь подробный, все же германской разведке был передан. Это облегчалось тем, что Кестринг почти постоянно находился в Москве и мог его получить тотчас же по окончании оперативной военной игры Генштаба РККА. Не обязательно было передавать письменный материал, когда это можно было сделать и на словах.

4. Будет ли использована территория нейтральных во время войны Прибалтийских государств для сосредоточения и удара германских армий по правому флангу наших армий Западного фронта?

Мне кажется, этот вопрос сомнений не вызывает. Я считаю, что немцы этим, безусловно, воспользуются. Все данные разведывательного характера, с которыми я имел возможность знакомиться, говорят именно за это. Достаточно даже бегло изучить аэродромную сеть Латвии, Литвы и Эстонии, форсированно развивающуюся первые последние годы, чтобы понять, что эти аэродромы как по количеству, так и емкость их не рассчитаны на малочисленную авиацию Прибалтийских государств, а рассчитываются на многочисленную авиацию Германии.

Поэтому я считаю необходимым еще раз просмотреть оперативно-стратегические планы и наметить вытекающие отсюда мероприятия.

Не могу не высказать своего мнения в отношении «дружеского» приезда Мунтерса именно в связи с разоблачением контрреволюционной и шпионской шайки. Мне кажется, его приезд связан с провалом и разоблачением этой организации как маскировка и, видимо, по указке гитлера.

Исходя из последнего, я считаю абсолютно необходимым всеми возможными средствами это дело проверить.

МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

/С. Буденный/

<Подпись>

26 июня 1937 г.
№ 0039
Москва

Примечания:

* – Так в тексте.

** – П.Е. Дыбенко имеет в виду случай, о котором И.П. Белов поведал на заседании Военного совета при наркомате обороны:

«Белов. Я приехал в Берлин... Вы все знаете, что представительские в буржуазном государстве имеют огромное же значение. Уборевичу и Якиру давали 150 долларов в месяц на представительские расходы, меня же сразу посадили на 50.

Сталин. Кто же это устраивал?

Белов. Путьна» (Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1–4 июня 1937 года. М.: РОССПЭН, 2008. С. 300).